

«Вероятно, самая «вкусная» книга,
которую я прочитала в этом году».
— Бекка Фитцпатрик, автор бестселлеров
«О чем молчат ангелы»

ALL OUR YESTERDAYS

ВСЕ НАШИ ВЧЕРА
КРИСТИН ТЕРРИЛЛ

Кристин Террилл
Все наши вчера
Серия «Лучшая
молодежная фантастика»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43059080

Все наши вчера: Издательство АСТ; М.; 2019

ISBN 978-5-17-113070-1

Аннотация

Эм заперта в пустой холодной камере. Финн – в камере по соседству. Они останутся там до тех пор, пока не скажут то, что хочет знать их тюремщик. Но есть проблема: то, что он хочет знать, еще не произошло.

А затем Эм находит в своей камере записку, которая содержит несколько простых, но ясных указаний. Девушка должна отправиться в прошлое, чтобы предотвратить трагедию, которая вот-вот случится. Но для этого ей необходимо выследить и убить своего возлюбленного. А самое страшное, что автор записки – она сама...

Содержание

Один	5
Два	15
Три	27
Четыре	43
Пять	75
Шесть	92
Семь	102
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Кристин Террилл

Все наши вчера

© 2013 by Christin Terrill

© О. Степашкина, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Посвящается моей маме.

И моей Марине.

*Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,
К последней букве вписанного срока;
И все «вчера» безумцам освещали
Путь к пыльной смерти.*

Уильям Шекспир, «Макбет»

(перевод М. Лозинского)

Один

ЭМ

Я смотрела на сливное отверстие посреди цементного пола. Это было первое, что я увидела, оказавшись запертой в камере, и с тех пор почти не отводила от него взгляда.

Сперва я просто упрямылась и так волочила ноги в выданных мне тюремных тапках, что им пришлось тащить меня по коридору за руки. Но увидев этот сток, я закричала. Он все рос и рос, пока не заслонил собою маленькую камеру из шлакоблоков. Я стала пинать державших меня мужчин, пытаюсь вырваться из их железной хватки. При мысли о том, зачем в этой камере сливное отверстие, в голову лезли кошмары.

Никаких выдуманных мною ужасов не случилось – во всяком случае, пока что, – но дыра в полу по-прежнему приковывала к себе мое внимание. Мой взгляд снова и снова возвращался к ней, словно к путеводной звезде. Даже теперь, лёжа на узкой койке у стены, я смотрела на это отверстие, как будто еще чего-то не знала о нем. Пять с половиной дюймов в ширину, тридцать две дырочки и углубление размером с пятицентовую монету в центре.

– Чем занимаешься? – донесся из вентиляционного от-

верстия негромкий знакомый голос.

– Пеку пирог.

Он рассмеялся, и этот смех заставил меня улыбнуться. Я немного удивилась тому, что мышцы лица еще помнят это движение.

– Опять смотришь на слив?

Я промолчала.

– Эм, пожалуйста, – сказал он. – Ты так просто свихнёшься.

Но у меня на уме было кое-что другое.

Сегодня я собиралась наконец-то раскрыть все тайны этого стока.

Чуть позже я услышала приближающиеся шаги. Тут трудно было судить о времени, ведь нигде не было ни часов, ни окон, ни какого-либо движения, способного рассечь на части бесконечное течение секунд. Всё, почему я могла ориентироваться, – разговоры с парнем из соседней камеры да нарастание и утоление голода.

От звука топающих по цементу ботинок мой желудок зарурчал. Этот звук был словно звонок для собаки Павлова. Наверное, настало время обеда.

Тяжелая металлическая дверь отъехала в сторону настолько, чтобы пропустить Кесслера, стражника с лицом, напоминающим о затушенном, но все еще тлеющем костре. Большинству стражников было наплевать на меня, а вот Кес-

слер меня действительно ненавидел. Кажется, он негодовал, что его заставили приходить ко мне, приносить еду и чистую смену простой синей одежды, в которую меня тут облачили. Это вызывало у меня улыбку. Если бы он только знал, к чему я была привычна до того, как мой мир рассыпался, словно сгнивший изнутри дом!

Кесслер протянул мне поднос с обедом, и я поспешила выхватить еду у него из рук. Если я оказывалась недостаточно проворна, он с грохотом ронял его на пол, и еда разлеталась во все стороны. Необходимость бороться за подачи Кесслера бесила меня, но на этот раз мне не терпелось заполучить свой обед. Нет, не коричневую водянистую еду на подносе, конечно же.

Прилагающийся к ней столовый нож.

Кесслер бросил на меня насмешливый взгляд, и двери камеры снова захлопнулись. Как только он ушел, я схватила с подноса ложку и вилку и принялась их изучать. Ножа не было. Его никогда не бывало. Водянистое мясо не нуждалось в разрезании, а они, возможно, боялись, что я совершу дерзкую попытку побега, воспользовавшись тупой пластиковой утварью и угрожая ею мужчинам с автоматами за стенами моей камеры.

Я поставила поднос рядом и уселась у сливного отверстия, скрестив ноги. Сперва я попробовала пустить в ход вилку, сунув ее в один из шурупов, закрепляющих решетку. Как я и подозревала, она оказалась слишком толстой для паза шу-

рупа, так что я ее отшвырнула. Вилка проехала по бетону и шлепнулась на поднос.

Единственной моей надеждой осталась ложка. Я сунула ее изогнутую часть в тот же паз, и на этот раз получилось! Я затаила дыхание, как будто любое изменение давления в воздухе этого помещения могло все испортить, и надавила на ложку, пытаясь повернуть шуруп. Ложка соскользнула. Я предприняла еще с полдюжины попыток, но все было без толку. Ложка продолжала выскользывать из паза так, что я давила и проворачивала один лишь воздух. Изгиб ложки не вполне совпадал с прямым пазом головки шурупа, и я в бессильной ярости чуть не запустила ложкой в стену.

Но, замахнувшись, остановила руку. Дыши. Думай!

Ручка у ложки слишком толстая для паза, а основание слишком широкое, но... я потрогала грубый бетонный пол камеры. Пол ожег мою ладонь холодом. Да, это может сработать.

Когда Кесслер вернулся за посудой, я поджидала его. Желудок был пуст и болел, но я не прикоснулась к еде. Мне нужен был полный поднос с нетронутой размазней. Кесслер раздвинул створки и, как только щель оказалась достаточно большой, я швырнула в нее поднос.

– Это отвратительно! – выкрикнула я. – Мы не животные!

Кесслер увернулся, и поднос с треском врезался в стену у него за спиной. Он вздрогнул и выругался – коричневые и зеленые брызги заляпали ему лицо и форму. Где-то с пол-

секунды мне удавалось сдерживать злорадную улыбку, а потом Кесслер с силой ударил меня по лицу. Я рухнула на пол, глаза защипало от слез.

– Сука ненормальная! – рявкнул Кесслер и захлопнул дверь.

Оставалось надеяться, что, разозлившись на меня, он не заметит отсутствия ложки.

Я постаралась выждать время, на всякий случай. Час или, может, два. А потом достала ложку из-под своего тонкого поролонового матраса. Я отломала ручку – получился острый край – и повертела его в пальцах, примеряясь к пазу в шурупе.

Я подвинулась к стене и наклонилась к вентиляционному отверстию.

– Эй, ты тут?

Послышался мучительный скрип ржавых пружин – это Финн скатился со своей койки.

– Как раз собрался уходить. Тебе повезло, что ты меня застала.

Я прижала пальцы к холодной решетке вентиляции. Иногда трудно бывает поверить, что нас разделяет всего лишь фут бетона. Кажется, что Финн так далеко от меня!

Интересно, он тоже прикасается к стене со своей стороны и думает обо мне?

– Можешь спеть? – попросила я.

– Спеть?

– Пожалуйста!

– Ну ладно. – Финн удивился, но спорить не стал. Он никогда не говорит «нет». – Что-то конкретное?

– На твое усмотрение.

Он затянул что-то похожее на церковные песнопения. Псалом, наверное. Я их впервые услышала, только когда уже все началось – когда мы пустились в бега, а наша старая жизнь осталась позади, как выхлопные газы, что тянулись за грузовиком, тайком вывозящим нас из города, – а Финн каждую неделю ходил с матерью в церковь. Ему это даже нравилось. Когда-то это меня поразило, хотя я уже не помню почему. Возможно, потому, что религия никогда не была частью моей жизни, или потому, что молитвы, проповеди и церковные обеды никак не вязались в моем сознании с тем Финном, которого я знала.

С Финном, которого, как я думала, знаю.

У него хороший голос – сильный тенор, напоминающий прикосновение прохладной хлопковой ткани к коже. А по виду и не скажешь. Ну, или не знаю, может, скажешь. Я уже несколько месяцев в глаза не видела Финна. Может, он выглядит совсем не так, как мне помнится.

Когда голос Финна, отразившись от стен из шлакоблоков, заполнил каждую щелочку и трещинку, я прижала острый край сломанной ложки к бетону. Я водила ею туда-сюда по шероховатой поверхности, медленно подтачивая пластик.

Потом мои движения ускорились; шкрябанье ложки об пол сливалось с голосом Финна.

Несмотря на холод, стоявший в камере, от напряжения у меня на лбу выступил пот. Я остановилась и снова приложила ложку к шурупу. Все еще недостаточно тонко, но уже получше. Я снова принялась точить. Я так сжимала эту ложку, что у меня заболела рука. Это работает. Я уверена.

Финн перестал петь, но я, увлеченная делом, едва заметила это.

– Эй, а что это ты там делаешь?

– Это работает, – прошептала я себе.

– Что-что?

Я снова проверила ложку, и на этот раз подшлифованный край в точности совпал с пазом. Я сжала ее в кулаке, чувствуя, как во мне закипает кровь. Унылый голосок у меня в голове поинтересовался, чего я так прицепилась к этому дурацкому водостоку, но я еле расслышала его сквозь шум крови в висках – она стучала, словно барабанщик, ведущий солдат в бой. Я начала поворачивать ложку, но шуруп не шелохнулся. Годы грязи, ржавчины и еще бог знает чего намертво закрепили его. Я налегла сильнее, пытаюсь заставить его сдвинуться с места; в конце концов пластик затрещал, угрожая лопнуть.

– Ну давай же, черт тебя побери!

Я ухватила ложку у самого основания, как можно ближе к шурупу, и повернула. Шуруп взвизгнул и поддался. Я рас-

смеялась; легкое дуновение воздуха у меня на губах показалось незнакомым, но чудесным. Победив один шуруп, я накинулась на второй, на третий... когда ложка оказывалась недостаточно быстрой, я царапала шурупы ногтями, пока не изранила пальцы в кровь. И в конце концов, когда решетку удерживали лишь несколько оборотов последнего шурупа, я ее выдернула.

Она очутилась в моих руках и превратилась вдруг в обычную тонкую железку. Я выронила ее, и она звякнула об пол.

– Эм, что происходит?

Теперь голос Финна звучал встревоженно, но мне некогда было беспокоиться об этом. Сток наконец-то открыт. Я запустила руку внутрь. Здравый смысл твердил, что я не найду там ничего, кроме холодной трубы, но что-то глубоко внутри меня шептало о... о чем? О предназначении? О судьбе? Еще о чём-то важном, во что я перестала верить много лет назад?

И это, шепчущее внутри, даже не удивилось, когда мои пальцы сомкнулись на странном предмете, спрятанном в сливе. Тело мое напряглось, а внутри словно взорвалось что-то буйное и радостное, как будто мои мышцы могли вместить в себя взрыв. Я вытащила находку на свет и принялась рассматривать.

Это был полиэтиленовый пакет для замороженных продуктов, старый, весь в пятнах от жесткой воды и плесени. Этот обыденный предмет будил воспоминания о бутербродах с арахисовым маслом, которые я вечно находила за-

прятанными в своей спортивной сумке, и казался вопиюще неуместным в моей крохотной тюремной камере. В пакете обнаружился единственный листок бумаги, белый в голубую полоску, совсем как те, на которых я писала в школе, с неровным краем, указывающим, что его вырвали из блокнота.

Дрожащими пальцами я открыла пакет. Внезапно мне стало страшно. Я знала, что в сливе прячется что-то важное, с того самого момента, как впервые увидела его. Это ненормально. В этом не может быть ничего хорошего.

Я достала листок и впервые рассмотрела его как следует. Камера вокруг меня превратилась в вакуум. Я попыталась вдохнуть и обнаружила, что не могу этого сделать, как будто весь воздух улетучился.

Листок был почти полностью исписан. Одни строчки были написаны ручкой, другие – карандашом. Верхние настолько поблекли от времени, что их трудно было прочитать, а нижние казались написанными недавно. Все предложения, кроме самого нижнего, были аккуратно перечеркнуты.

В самом верху, знакомыми заглавными печатными буквами было написано какое-то имя, а строчка внизу была темной и жирной, как будто писавший сильно надавливал на ручку.

Этим писавшим была я.

Я никогда в жизни не видела этого листочка, но почерк точно был мой: моя прописная «е» среди прочих печатных букв, моя наклонившаяся «к» и слишком тощая «а». Я опо-

знала его нутром, как телефон, зазвонивший в другой комнате.

Меня затрясло. Здесь и сейчас, письмо, которого я совершенно не помнила, означало что-то очень странное.

Но последняя фраза заставила меня поковылять к туалету в углу камеры.

«Ты должна убить его».

Два

ЭМ

Меня выворачивало наизнанку до тех пор, пока до желудка не дошло наконец-то, что он уже пуст. Потом я прижалась лбом к холодной стене и вытерла рот рукавом.

«Ты должна убить его».

Даже закрыв глаза, я все равно видела эти слова. Их словно выжгло у меня внутри, но я не могла принять их. Должен существовать какой-нибудь другой способ. Я не настолько безжалостна.

Пока еще не настолько.

В дальнем конце коридора щелкнул замок двери. Кто-то шел сюда. Я выпрямилась и метнулась к сливу. Трудно сказать, что сделает доктор, если обнаружит, что я влезла туда – а уж если он увидит этот листок!..

От этой мысли кровь в моих жилах заледенела.

Неловкими руками, поспешно, я разломала ложку на несколько частей и сбросила их в сток. Я уже слышала стук тяжелых ботинок по цементу. Я прижала решетку к стоку и пристроила шурупы обратно, насколько это возможно было сделать, имея из инструментов лишь пальцы и ногти. Потом

я подхватила полиэтиленовый пакетик и листок бумаги и кинулась на койку. Только я успела сунуть свою находку под матрас, как в окошке двери показалось лицо Кесслера.

– Где ложка? – спросил он.

Ну зашибись. Кесслер совсем не так глуп, как я надеялась.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – сказала я, равнодушно запрокинув голову. Я заставила себя дышать спокойно, хотя легкие мои готовы были лопнуть, так их жгло от напряжения.

Кесслер повернул голову вправо, советуясь с кем-то, невидимым мне. Этот кто-то был не в военных ботинках, поэтому я не услышала его приближения. Я почувствовала, как в тапках скрутило пальцы ног.

Кесслер повернулся обратно ко мне.

– Мы знаем, что она у тебя. Давай ее сюда.

Ну, теперь это все равно не вариант. Мне пришлось бы вылавливать обломки из стока, и они тогда всю камеру перевернут в поисках того, что я прячу. А если они найдут тот листок бумаги с перечнем угроз, написанных моей рукой, мне конец.

И кроме того, я никогда ничего не отдам этим людям, какую бы мелочь они ни просили.

Я закинула руки за голову.

– Отцепитесь.

– Детка, это всего лишь пластиковая ложка. – А вот это уже доктор, я слышу его приглушенный голос из-за двери. – Что ты собираешься ей делать, вырыть подземный ход отсю-

да?

При звуке его голоса я вскочила.

– Иди к черту!

– А? – Это уже Финн из вентиляционного отверстия. –

Что происходит?

– Последний шанс.

Я плюнула в окошко в двери. Меня трясло от бешенства. В любую секунду дверь может распахнуться, доктор войдет сюда, и начнется какой-нибудь новый кошмар. И все из-за пластиковой ложки. У меня даже ноги дрожали, так мне хотелось кинуться бежать, да вот только некуда было бежать.

Ну и ладно. Я способна с этим справиться.

– Откройте, – сказал доктор.

Я услышала звук ключа, поворачивающегося в замке, и громыхание отъезжающей двери – но не моей. Понимание пришло ко мне на секунду позже, чем следовало бы.

– Нет! – Я врезалась в запертую дверь и замолотила по ней кулаками; металлическая дверь гулко загрохотала. – Оставьте его в покое! Финн!

За стеной Финн вскрикнул от боли. Я услышала тихое шипение электрошокера военного образца. Доктор предпочитал пользоваться им, чтобы не пачкать руки. У такого шокера имелся набор настроек, и некоторые из них способны были лишить человека сознания или даже вызвать мгновенную остановку сердца. Я испытала на себе первое и видела второе. Мысль о том, что сейчас эту дрянь применяют к Финну,

сводила меня с ума. Я снова и снова кидалась на дверь, выкрикивая его имя.

Доктор снова заглянул в окошко, и я отскочила, словно испугалась, что он протянет руки прямо сквозь стекло и схватит меня за горло. Правда, ему этого и не требовалось. От одного вида его лица у меня возникало ощущение, будто он вытягивает из меня жизнь.

– Ты можешь прекратить это в любой момент, – сказал он. Он выглядел точно так же, как и всегда. Я сомневалась, что узнаю себя в зеркале, а его время не касалось. В его голосе зазвучало некое подобие доброты. – Просто отдай мне ложку.

Я уставилась на него. Глаза жгло, и все перед ними расплывалось. Финн стонал от боли, а я ничего не могла сделать, потому что эта бумажка стала бы приговором для нас обоих. Я сглотнула и почувствовала во рту привкус желчи.

– У меня ее нет! Кесслер, наверное, где-то ее потерял!

Лицо у доктора сделалось грустным. Господи, как же я презирала его за это! Потом он кивнул, и Кесслер сделал что-то такое, что Финн закричал.

К тому времени, как Финн замолчал, у меня уже саднило сорванное горло и отбитые об дверь кулаки. Тяжелые шаги Кесслера и более тихие доктора прошли мимо моей камеры и затихли вдалеке. Вина навалилась на меня свинцовой тяжестью, сделав мои движения медленными и отнимая последние силы. Я стянула с койки тонкое хлопчатобумажное

одеяло и подушку и свернулась на холодном полу рядом с вентиляционным отверстием.

– Финн! – шепотом позвала я. – Ты здесь?

Тишина. Ненавидит ли он меня так, как я сама себя сейчас ненавижу?

– Финн!

– Извини, я только вернулся. Выходил за пищей.

Я разревелась.

– Эй! – Его голос был тихим и хриплым. – Брось, все в порядке.

– Заткнись! – прорыдала я. – Не смей меня утешать! Из-за меня тебя пытали!

– Брось, Эм, со мной все в порядке.

– Вот и нет!

– Вот и да. Мне просто...

– Что?

Финн вздохнул.

– Мне просто хотелось бы увидеть тебя.

Я придвинулась к стене, вжалась в нее и раскинула руки, как будто обнимала его. Глупо. Хорошо, что он этого не видит, но мне стало немного лучше.

– Мне тоже.

– Помнишь, когда ты ненавидела меня?

Я не то засмеялась, не то фыркнула, не то икнула.

– Ну, ты был просто невыносим!

– Я думаю, правильнее будет сказать «неисправим».

Я снова прижалась лбом к стене и на мгновение позволила себе вообразить, будто это его плечо, теплое и надежное.

– Ну ты и позер.

– Эй, я только что претерпел пытки ради тебя. Не ущемляй мое эго.

– Финн...

– Ш-ш-ш... – тихо сказал он. – А теперь скажи мне, как ты тогда ошибалась и какой я замечательный.

Он вправду замечательный. И он этого не заслуживает.

Да и я тоже.

– Я собираюсь убить его, – тихо сказала я.

– Да, я знаю.

– Я серьезно. Мы выберемся отсюда, и я убью его.

И я шепотом рассказала через решетку вентиляции обо всем – о стоке, о листке бумаги, о послании в самом низу листка. Молчание Флинна было глухим и непроницаемым, как разделяющая нас стена. Я попыталась представить его. Лохматая светлая шевелюра – возможно, отчаянно нуждающаяся в стрижке, – завитки волос за ушами и на шее. Голубые глаза широко раскрыты, потрясенный взгляд устремлен в пространство. Или у него зеленые глаза? Нет, точно голубые. Голубые, словно глубокая чистая вода. Рот разинут. Но как я ни старалась, я не могла вспомнить, какие у Финна губы. Тонкие или полные? Розовые или бледные?

Я уже и не помню толком, как выгляжу я сама.

– А мы сможем это сделать? – спросил он в конце концов.

«Сможем ли мы убить его» – вот что он имел в виду, но, возможно, не сумел произнести эти слова.

– Сомневаюсь, что у нас есть выбор.

– Но сперва нам надо как-то выбраться отсюда, – сказал Финн. – Вернуться обратно. Ты думаешь, это возможно?

– Судя по записке, мы проделали это уже четырнадцать раз.

– Но как?

– Не знаю. Но я уверена, что я бы себе рассказала, если бы мне требовалось об этом знать.

Финн рассмеялся.

– Просто поверить не могу – до чего безумная фраза.

– Не можешь? – Я завидовала способности Финна находить смешное в любой ситуации, но мне было не до смеха.

– Ну-у...

– Только не говори, что мы не сможем этого сделать. – У меня должны были быть чертовски веские причины, чтобы написать эту фразу, и испорченное существо у меня внутри, то самое, которое отвечало за гнев и обиды, ничуть об этом не жалело. – Не говори, что должен существовать другой способ.

– Вообще-то я хотел спросить, как ты одета.

Я прикусила губу, чтобы не рассмеяться. Ну ладно, это забавно.

– Боже, как я по тебе скучаю! – сказала я и тут же пожалела о своих словах. Я отвернулась от вентиляционного от-

верстия, глупо испугавшись, что Финн увидит, как я покраснела.

– Я знаю, – мягко отозвался он. Я представила себе, как он прижимает руку к стене с другой стороны. – Но я тут.

Шли дни. Мы с Финном проводили время между приемами пищи, обсуждая мою находку.

– В какое время мы должны отправиться? – спросил он наконец. Мы оба избегали этой темы. Она причиняла боль, а нам и без того ее хватало.

– Я думала об этом, – сказала я. – Нам нужно очутиться там четвертого января. Четыре года назад.

Тишина.

– Что, правда?

Я почувствовала, что он колеблется. Впрочем, я тоже не жаждала заново пережить это время.

– Мы не сможем сделать это до того, как он откроет формулу, – сказала я. – Тогда парадокс окажется настолько мощным, что последствия могут быть непредсказуемы. Это должно быть после.

– Ладно, – согласился Финн. – Но почему именно четвертое?

– Потому, что тогда он нипочем не догадается нас искать, – сказала я. – Помнишь, когда я заполучила документы?

– Конечно. Именно в тот день.

– Но доктор этого не знает, – сказала я. – Он думает, что я наткнулась на них позже. А знаешь почему?

– Почему?

– Потому что он не помнит, в какой день открыл формулу, – сказала я. – Он думает, что впервые записал ее три дня спустя, седьмого.

– Значит, если мы придем в четвертое, – сказал Финн, – он как минимум три дня не будет ждать нас.

– Именно. – Я вздохнула. – Кроме того, он будет слаб из-за того, что только что произошло. А в любой более поздний момент он будет слишком сильным. Слишком защищенным.

Финн согласился. Он не хуже моего понимал, что никакой другой момент не предоставит нам лучших шансов. Мы обсудили все еще раз, обговорили каждую деталь, которая могла бы дать нам преимущество. К концу разговора я уже помнила наизусть каждую вычеркнутую фразу из записки, и решила, что знаю, какая цепочка событий привела ее ко мне в руки. Я не помнила, что именно заставило меня эти фразы написать, но эти прошлые версии меня, эти мои более не существующие копии оставили мне достаточно подсказок, чтобы все вычислить.

Без тем для обсуждения и без тяги к стоку заняться было нечем – оставалось лишь смотреть в потолок. Скверная пища, боль, даже визиты доктора – со всем этим я могла справиться. Но эта скука, когда лежишь и ждешь, чтобы хоть что-нибудь случилось... Она меня с ума сведет!

– Финн, ты спишь? – спросила я, повернувшись на бок.

Ответа не последовало. Его способность спать при любых обстоятельствах поражала меня. Он спал, наверное, по шестнадцать часов в сутки – просто чтобы предотвратить скуку.

– Ну ты и жопа, – прошептала я.

Некоторое время я смотрела на дверь – ну, просто чтобы отвлечься от потолка. Когда-нибудь настанет день, и я непременно выйду из этой камеры. Во всяком случае, я уже выходила отсюда раньше, каждой из своих предыдущих версий, которая сбегала и добавляла пункты в записку у меня под матрасом. Как я это делала? Эх, если бы я могла вспомнить события, которые пережили те Эм! Бегство казалось мне невозможным. Я уже сотню раз мысленно перебрала все варианты. Я могла бы одолеть охранника, приносящего мне еду, или захватить доктора во время одного из его полуночных визитов и использовать его как заложника. Это позволило бы мне выбраться из камеры и, возможно, прихватить с собой Финна. Но даже если бы я это сумела – а это, давайте уж начистоту, огромное «если», – все еще остается огромная правительственная база вокруг моей камеры. Я видела ее только раз, да и то мельком, несколько месяцев назад, в тот день, когда меня сюда приволокли. Она битком набита вооруженными солдатами, стоящими между мною и «Кассандрой», и даже если бы я знала, куда идти, мне все равно не удалось бы туда добраться. Любой план, приходящий мне на ум, заканчивался тупиком или пулей в голову.

Размышления о побеге и/или смерти постепенно тоже наскучили, как и все остальное. Настолько наскучили, что я почти обрадовалась, когда дверь открылась, впуская доктора и ещё одного человека, которого мы с Финном прозвали директором, кукловода, дергающего доктора за ниточки.

Почти.

Я сделала вид, будто зеваю, потому что знала – это его бесит, но сердце мое гулко забилось в груди.

– Что, опять?

Директор чуть склонил голову, и какой-то солдат шагнул вперед, рывком поднял меня и посадил на металлическое складное кресло, которое они принесли с собой. Он привязал мои руки к подлокотникам пластиковыми хомутиками – такими наш садовник подвязывал розовые кусты.

– Ноги тоже, – приказал директор. Приятно видеть, что он не забыл, что произошло в прошлый раз.

Когда беззащитная молодая девушка, окруженная вооруженными мужчинами, была как следует зафиксирована, начался допрос. Я пробовала считать, сколько раз доктор с директором приходили сюда, чтобы поболтать со мной – каждый раз я думала, что уж этот-то будет последним, что их терпение лопнет и они в конце концов убьют меня, – но после двадцатого я сбилась. Это было несколько недель назад.

– Где документы? – спросил директор.

– Вы что, не собираетесь даже спросить сперва, как мои дела? Ваша мама не учила вас вежливости?

Директор ударил меня по лицу. В отличие от доктора, он ничего не имел против того, чтобы запачкать руки.

У меня все поплыло перед глазами. Фильмы не подготовили меня к этому – ни к тому, как это на самом деле больно, ни к тому, что это почему-то каждый раз вызывает шок.

– Мне сегодня не до твоих игр, – сказал директор. – Нам нужно знать, где документы. Кому ты их отдала? Китаю? Индии?

– От этого зависит множество жизней, – тихо сказал доктор из угла камеры, как будто ему было не наплевать на это.

Я послала директору воздушный поцелуй – ну, насколько это можно было сделать без помощи рук. Я слишком хорошо понимала, что стоит мне только сказать им про документы, и я лишусь своего последнего козыря. Мы с Финном до сих пор оставались в живых лишь потому, что я владела этой информацией, а они – нет. И потому, даже когда я готова была сдаться и принять смерть, мысль о том, что в моих руках жизнь Финна, заставляла меня молчать. Что бы они ни делали.

А в средствах они не стеснялись.

Наверняка мои крики помешали Финну спать, но, по крайней мере, я не сдалась.

Три

ЭМ

Прошел еще один день. Еще не до конца проснувшись, я смотрела на потолок, пытаясь разглядеть там знакомые трещинки в тусклом голубоватом свете, проникающем в камеру из коридора. От нечего делать я потрогала синяки. Судя по ощущениям от надавливания, они, наверное, были красновато-фиолетовые, совсем как покрывало на кровати в нашей старой комнате для гостей. Моей матери всегда нравился этот цвет. Подозреваю, это как-то связано с ее любовью к хорошему каберне.

В коридоре слышались шаги. Я нахмурилась. Я не голодна. Разве уже время завтрака? Нет, свет еще выключен.

Дверь открылась медленно, за ней оказался охранник, которого приставили к нам совсем недавно. У этого в глазах еще проглядывалась хоть какая-то человеческая порядочность, и, в отличие от Кесслера, он всегда давал мне еду в руки и даже иногда, когда я возвращала поднос, говорил «спасибо». Я толком не запомнила его имя. Коннор? Купер?

– Когда ты была маленькой, – сказал охранник, маяча в дверях, – у тебя был выдуманный друг по имени Майлз. Это

был фиолетовый кенгуру.

Я резко села.

– Что?!

– Идем. Нам надо идти.

– Что ты имеешь в виду?

– Я пришел, чтобы забрать тебя отсюда.

У меня пересохло во рту, а язык внезапно показался слишком большим. Это было то, чего я ждала. Способ выбраться наружу. Я никогда в жизни никому не рассказывала про Майлза.

Кроме этого охранника, судя по всему.

– А Финн? – спросила я.

– И его тоже. Пошевеливайся.

Я вскочила, и мои ноги оказались на удивление окрепшими. Я запустила руку под матрас, достала записку в полиэтиленовом пакете и сунула ее в карман. Охранник – Коннор? – уже отправился освободить Финна. Я медленно шагнула к двери камеры. Дверь была открыта нараспашку. Я коснулась дверного косяка кончиками пальцев, изучая место, где стены так долго были моими границами – и вот превратились в ничто. Я нерешительно шагнула вперед, и на какую-то дурацкую секунду мне показалось, что я сейчас расплачусь.

Я услышала скрежет ключа в замке, повернулась и увидела, как Коннор пытается открыть камеру Финна. О господи! Осознание хлынуло на меня, как буйная волна на Киава

Айленд, и вышибло воздух из моих легких. Я сейчас увижу Финна!

Коннор наконец справился с замком и открыл дверь, и все застыло до тех пор, пока тишина в промежутках между ударами сердца не затопила нас и не сделалась оглушительной. Если я отнеслась к нашей внезапной свободе, как животное, позабывшее мир за решеткой, то Финн выпорхнул из своей камеры, словно птица из клетки. Я едва успела взглянуть на него, как он сгреб меня и так крепко прижал к себе, что я чуть не задохнулась – но мне было на это наплевать.

– Боже мой, – повторял он раз за разом. – Боже мой.

– Дай я на тебя посмотрю!

Я отодвинулась и провела руками по его щекам, заново узнавая лицо. Ну конечно же, глаза голубые. И как я могла забыть эти губы? Тонкие розовые губы с приподнятым уголком, вечно намекающим на насмешливую улыбку. Боже мой, почему же я никогда прежде не замечала, какой он красивый? – Тебе пора подстричься.

Финн погладил меня по щеке краем большого пальца.

– Ты красивая.

Я много лет жила в страхе, в бегах, оторванная от всех, кого люблю, и потом, запертая в этой камере, где меня допрашивали и пытали, а смерть постоянно стояла у меня за плечом. Но клянусь, никогда мне не было настолько страшно, как в тот момент, когда Финн наклонился и впервые поцеловал меня.

Он так нежно коснулся моих губ своими, и я подумала: он, должно быть, боится, что этот сон оборвется на самом интересном месте. Он обнял меня покрепче, привлек к себе, и на мгновение все мои страхи исчезли.

– Прощу прощения, – сказал Коннор, – но нам нужно идти.

Мы оторвались друг от друга, и Финн застенчиво улыбнулся мне. Тем временем Коннор с пистолетом в руке начал спускаться вниз по коридору. Я увидела это место впервые с тех пор, как они приволокли нас сюда много месяцев назад, а тогда я была не в том состоянии, чтобы оценить пейзаж. Рядом с нашими камерами располагались еще три, тоже со стенами из шлакоблока и металлическими дверями, но они были пусты. Другая часть коридора, похоже, использовалась в качестве склада, и это было так обыденно, что меня захлестнули боль и унижение. Доктор словно засунул нас с Финном подальше, вместе со всяким старым хламом, вроде коробки с зимней одеждой, убранный на лето и позабытой.

– А где все? – шепотом спросила я, когда мы миновали запертую дверь, отделявшую наш коридор от остальной базы. Пока что нам не встретилось ни одного солдата.

– Сейчас глубокая ночь, так что народа тут по минимуму, – бросил через плечо Коннор. – И я подсыпал снотворное в кофейник в комнате для отдыха.

– Знаете, – сказала я, – а вы начинаете мне нравиться.

– Не спеши с выводами, пока мы не доберемся до «Кас-

сандры».

Мы крались в глубь базы. Лишь теперь я поняла, какая она огромная. Коннору приходилось следить за своей походкой, чтобы не грохотать ботинками по бетонному полу, а мы с Финном шагали беззвучно в своих тапочках заключенных. С каждым шагом мне становилось все тяжелее дышать, в груди жгло от напряжения. Только теперь я почувствовала, как на мое тело повлияла жизнь в камере в четыре шага шириной. Глядя на Финна, я пыталась понять: начал ли и он потеть и дрожать, как я, но ему, похоже, было все нипочем. Он, наверное, тренировался у себя в камере, тщеславный гаденыш.

И почему только я сама до этого не додумалась?

– Ты в порядке? – спросил Финн. Я начала сбавлять темп, и поскольку мы по-прежнему держались за руки, получилось, что Финн тащит меня за собой. Я кивнула, сделала глубокий вдох и заставила себя прибавить шаг.

Я настолько сосредоточилась на том, чтобы переставлять ноги, что не слышала, как в дальнем конце коридора отворилась дверь, и не увидела, как оттуда вышел темноволосый мужчина. А Коннор увидел. Его рука врезалась мне в грудь, втолкнув меня и Финна в другой дверной проем, и я, отступая поглубже, лишь краем глаза успела разглядеть этого мужчину.

Это был доктор. Я вжалась в дверь и попыталась унять неровное дыхание.

Коннор направился к доктору, и ужас пронзил меня, будто

нож. Мне вдруг показалось, что это какая-то западня, подстроенная доктором, очередная хитрость, предназначенная для того, чтобы сломить нас. Сейчас Коннор вернет нас обратно, и мы никогда больше не выйдем из наших камер. Меня охватило невыносимое желание броситься наутек.

Финн – возможно, он ощутил мои мысли – сжал мою руку, удерживая меня на месте.

– Коннор, что ты делаешь в этой части здания? – услышали мы из нашего ненадежного укрытия вопрос доктора. Ему достаточно было сделать несколько шагов – и ниша перед дверью уже не скрыла бы нас. – Тебе разве не полагается охранять пленников?

– Так точно, сэр. Меня подменил Абрамс. Сержант послал меня найти вас.

Доктор раздраженно вздохнул.

– Я даже не на дежурстве. Я просто зашел разобраться с бумагами. Что ему нужно?

– Я точно не знаю, сэр. Он только сказал, что ему нужно встретиться с вами в командном пункте.

Шаги приближались. Не тяжелые подошвы Коннора, а тонкие, из лучшей итальянской кожи – голову даю на отсечение. Я с такой силой вжималась в дверь, что если нам и суждено пережить эту ночь, коллекция моих синяков определенно пополнится.

– Мне нужно сперва зайти к себе в кабинет, – сказал доктор, – а потом...

– Он сказал, что это срочно, сэр.

Шаги остановились.

– Уберите руки, солдат!

О господи. Я сжала свободную руку в кулак. Если доктор подойдет сюда, я по крайней мере смогу наставить ему синяков, прежде чем он меня убьет.

– Прошу прощения, сэр, – надтреснутым голосом проговорил Коннор. – Я только хотел сказать, что вы действительно нужны сержанту, и времени ждать нет...

Молчание все тянулось, и я даже с закрытыми глазами представляла, каким оценивающим взглядом доктор смотрит на Коннора. По мне, голос Коннора звучал жутко виновато, а доктор не глухой и должен был понять, что что-то неладно. Мне оставалось лишь надеяться, что его рассеянность и вера в собственную неуязвимость возьмут верх.

– Ладно, – в конце концов произнес доктор. – Я пойду в командный пункт, а вы возвращайтесь к пленникам. И в следующий раз не забывайте.

– Слушаюсь, сэр!

Легкие шаги доктора двинулись прочь, и я осознала, что все это время не дышала.

– А теперь придётся поспешить, – сказал Коннор, вернувшись к нам. – Он поймет, что дело неладно, когда доберется до командного пункта и никого там не найдет. Но пункт в другом конце базы, а «Кассандра» близко.

Мы побежали по коридорам; Коннор бежал футах в пят-

надцати впереди, высматривая других солдат, а Финн практически волок меня за собой. Когда мы остановились, я согнулась пополам, упершись руками в колени и пытаюсь отдышаться. Финн успокаивающе гладил меня по спине, но Коннора интересовал только оставшийся путь. Подняв в руке пистолет, он застыл у поворота. Потом приложил палец к губам.

– Пункт управления тут сразу за углом, – прошептал Коннор. – Его охраняют – с этим я ничего не смог поделать, – так что вы двое оставайтесь сзади.

Стоящий рядом со мной Финн напрягся.

– Что вы собираетесь делать?

– А какая разница? Как только вы вернетесь назад, все это станет никогда не происходившим, так ведь?

Я глотнула еще воздуха.

– Ну, примерно так.

– Не шевелитесь. – Коннор сунул пистолет в кобуру и бегом выскочил из-за угла. Мы слышали, как он кричит и барабанит кулаками по стеклу. Пост управления. Финн обнял меня за плечи, и я прижалась к нему всем телом. Боже, он теплый! Прошло столько времени, что я позабыла, каким теплым может быть другой человек.

– Пожар в первом крыле! – выкрикнул Коннор. – Требуются все люди! Скорее!

Пауза, потом еле слышное шуршание открываемой двери.

– Сирены не было, – сказал какой-то солдат, – и нам ни-

чего не сообщали.

– Мы не можем оставить пост, – добавил другой.

Внезапные хлопки двух выстрелов, эхом отразившиеся от стен, оказались оглушительными. Я закрыла рот ладонями.

– Скорее! – крикнул Коннор.

Финн побежал, и я за ним. Мы завернули за угол и очутились перед пунктом управления, от пола до потолка огражденного пуленепробиваемым стеклом. Два солдата валялись на пороге, и темная кровь лужей растекалась под ними, ширясь с каждой секундой. Я никогда не думала, что крови бывает так много. И к виду людей с развороченными головами я тоже не была готова.

Коннор стоял внутри пункта управления, по другую сторону от безжизненных тел охранников. Его лицо и форма были забрызганы красным, от вида его протянутой руки меня передернуло. Это была правая рука, та самая, которой он стрелял, а отдача оставила облачко крохотных красных точек у него на коже. Я заставила себя принять протянутую руку, и Коннор помог мне перепрыгнуть через трупы. Финн прыгнул следом, но приземлился в край растекавшейся кровавой лужи, шлепанец поехал, и Финн растянулся на полу. Я помогла ему встать, и он сбросил промокшие шлепанцы.

– От всей души надеюсь, что вы знаете, как работает эта штука, – сказал Коннор, глядя на бесконечные ряды оборудования и мигающие огоньки консоли. За ними располагалось смотровое окно, через него видна была вторая комнат-

ка, поменьше. Туда можно было попасть только через дверь в углу поста управления. Крохотная комнатка, приковывающая взгляд, жутковато лишенная цвета и рельефа, гладкая, пустая коробка всех оттенков серого.

– У меня есть идея, – сказала я. – Кое-кто мне все уши прожужжал. Финн, ты не мог бы...

– Вас понял, – сказал он, уже усаживаясь в кресло перед главным терминалом компьютера. – Если я хоть что-то понимаю в нашем докторе, система должна быть проста в использовании.

Финн постучал по клавиатуре, сосредоточенно хмурясь. Я знала, что он нервничает и злится, если ему мешать, и поэтому повернулась к Коннору.

– Спасибо, что сделали это.

Он вытер тыльную сторону ладоней о штаны.

– Не за что.

– Почему вы помогаете нам? – спросила я. – Ну, то есть, – как мне удалось вас убедить? Мне нужно будет это знать.

Коннор пожал плечами.

– Я был известным охранником, а вы дали мне шанс стать героем. Кроме того, я кое-что повидал...

– Насколько плохо там, снаружи?

– Плохо.

Коннор выглядел напуганным, и мне стало страшно. Этот человек спокойно подлил снотворного своим хорошо вооруженным коллегам и глазом не моргнув вышиб мозги двум из

них, но то, что происходило снаружи, заставило его умолкнуть и напрячься. Когда нас с Финном схватили, американские беспилотники атаковали Китай. Израиль и Сирия воювали с применением ядерного оружия, а изрядный кусок Хьюстона только что стерли с карты. Трудно было предположить, что дела могут пойти еще хуже.

Но, подозреваю, они так и сделали.

– Вы правда считаете, что можете изменить это все? – спросил Коннор, и теперь я разглядела скрытое в глубине его глаз отчаяние.

Я потрогала краешек полиэтиленового пакета у себя в кармане.

– Я думаю, мы не остановимся, пока не сделаем этого.

– Ах, да, – сказал Коннор и запустил руку в карман. – Чуть не забыл. Вам понадобится это. – Он достал бумажник и извлек из него маленькую фотографию женщины с медовыми волосами и белозубой улыбкой. Фотографию он вручил мне.

– Что это?

Коннор усмехнулся.

– Это то, что убедит меня вам помочь.

Я улыбнулась.

– А! Она красивая.

– И она сказала да такому неудачнику, как я, – можете себе представить?

Я сунула фотографию в карман, к завернутой в пакет записке.

– Еще как могу.

– Окей, готово, – сказал Финн, вводя последние команды. – Все автоматизировано, так что мне нужно только ввести дату, а потом мы зайдем внутрь, и Коннор запустит коллайдер.

– Погодите, – сказал Коннор. – Если ты введешь дату, разве они не последуют за вами? Или не явятся туда на десять минут раньше, чтобы пристрелить вас сразу по прибытии?

– Мы уже думали над этим, – сказала я.

– Я знаю код, который спрячет реальную дату и заменит ее другой, – сказал Финн. – Эм, ты уверена насчет четвертого января? Последняя возможность передумать.

– Уверена.

– Окей, – сказал Финн. – Я сделаю так, чтобы казалось, будто мы отправились в седьмое. Именно тогда доктор и будет нас ждать. Так что у нас будет куча времени, чтобы позаботиться обо всем, прежде чем он погонится за нами.

– Как запустить коллайдер? – спросил Коннор.

– Как только мы зайдем в ту комнату, нажмите вот это, – Финн указал на кнопку «Возвращение». – Остальное сделает автоматика. Ускорителю потребуется около двух минут, чтобы разогнать частицы до скорости, необходимой для столкновения. После этого мы исчезнем.

– Вроде ничего сложного, – сказал Коннор. Я подавила истерическое желание рассмеяться. – Тут особо и сказать нечего, но все-таки – удачи вам.

Финн пожал Коннору руку, и мы кинулись в дальний угол, где находилась дверь во внутреннюю комнату. Когда Финн открыл ее, в здании оглушительно взвыли сирены. Я невольно схватилась за уши и попыталась свернуться клубком, сжаться, спрятаться от этого звука. Финн выругался.

– Быстро внутрь! – крикнул Коннор, перекрывая шум. – Пока они не добрались сюда! Я их задержу!

Он захлопнул дверь во внутреннюю комнату за нами. Я дернула Финна на середину комнаты, и мы очутились в большом черном круге, отмечающем центр «Кассандры», огромного, в мили длиной, коллайдера субатомных частиц, построенного глубоко под этой базой. Коннор забаррикадировал дверь в пункт управления и придвинул к ней резервный сервер. Сирена выла так громко, что я даже не услышала грохота, с которым сервер свалился на пол. Коннор метнулся обратно к компьютеру, и к вою сирен присоединился другой звук, такой низкий, что сперва я решила, будто он мне мерещится. Но потом вибрация преодолела тысячи футов и дошла от коллайдера до моих ног. Энергия гудела вокруг нас с Финном так, что у меня волоски на шее встали дыбом, а руки покрылись гусиной кожей.

Я знала, что это лишь начало. Я никогда не совершала путешествий, которые проделали четырнадцать моих предыдущих версий, но я достаточно часто слышала объяснения и знала, что произойдет дальше. Когда частицы, жужжащие у меня под ногами в многомильной трубе, достаточно широ-

кой, чтобы по ней мог проехать грузовик, начнут наконец сталкиваться одна с другой на скорости, приближающейся к скорости света, последует взрыв, такой мощный, что само время даст трещину.

Внезапно мне стало очень страшно. Я испугалась не взрыва – он все равно недоступен моему пониманию, – а того, что мне придется сделать, когда это закончится. Ради чего все это затеяно.

«Тебе придется убить его».

То ли Финн почувствовал мой страх, то ли занервничал сам, но он взял мое лицо в ладони и приподнял, чтобы мы смотрели глаза в глаза.

– Все будет хорошо, – сказал он. Слова были едва слышны сквозь рев.

А потом стало очень тихо. Во всяком случае, для меня. Каким-то образом я отыскала тишину в темно-голубых глазах Финна. Господи, да как же я смогла прожить так долго в той камере, не имея возможности видеть эти глаза?

И вдруг я поняла такую очевидную вещь, что стало непонятно, как я не подумала об этом раньше. Мое сердце разбилось и затопило меня тоской.

– Финн, – проговорила я и рассказала ему ту ужасную мысль, которую наконец осознала, осознала слишком поздно, и с этим ничего уже нельзя было сделать.

Он взглянул мне в глаза и объяснил, почему мне не следует беспокоиться. Я запомнила эти слова и сохранила в своем

сердце.

Я заметила за плечом Финна резкое движение, и мир вернулся вместе с его шумом. Появились солдаты. Пока мы не видели, Коннор оттащил трупы с порога и запер пункт управления, но дверь не была преградой для них. Я в ужасе смотрела, как они с размаху вынесли ее. Коннор стрелял в толпу в дверном проеме, укладывая одного солдата за другим, но их было больше и оружия у них было больше. Его быстро одолели. Залп отшвырнул Коннора, и он рухнул на пол. Я уткнулась лицом в грудь Финну.

Но я не могла отвернуться надолго. Солдаты хлынули в пункт управления. Большинство сразу кинулось к серверу, подпиравшему дверь во внутреннюю комнату. Если они откроют дверь, «Кассандра» автоматически остановится, и мы останемся здесь.

Но действительно страшно мне сделалось, когда я увидела доктора, входящего в комнату следом за солдатами. Наши взгляды встретились сквозь четырехдюймовое стекло в смотровом окошке двери, и от ярости, написанной на его лице, озноб пробрал меня до мозга костей. Кажется, он понял, что я собираюсь сделать. Даже если мы ускользнем, этот взгляд будет преследовать меня сквозь время.

Доктор двинулся к компьютерному терминалу. Рокот у нас под ногами уже напоминал землетрясение, но с доктором за клавиатурой и солдатами у двери нам оставались считанные секунды. Я так сжала руку Финна, что у него, кажется,

сместились кости. Они сейчас заглушат «Кассандру» и прикончат нас, медленно и изобретательно...

Но они опоздали.

Когда солдаты навалились на дверь, мир взорвался, и мое тело растворилось в огненной вспышке.

Четыре

МАРИНА

Четырьмя годами раньше

Я уставилась на подъездную дорожку к соседнему дому и принялась рассеянно царапать ноготь, покрытый розовым лаком. Тамсин шлепнула меня по руке.

– Прекрати немедленно! – Осмотрев ноготь, она вздохнула. – Вот этот придется переделывать.

– Он все равно был неровным, – сказала я. – Так что переживешь.

София – она валялась на моей кровати, не отрываясь от телефона, – сказала:

– По крайней мере, она их больше не грызет.

– Спасибо, я в курсе. Гадость какая!

Само собой, я иногда грызу ногти, но стараюсь следить, чтобы в этот момент рядом не было девчонок. До сих пор не могу привыкнуть к тому, как ощущается лак на руках, кажется, что ногти просто задыхаются. Но Там говорит, что она из кожи вон лезет, пытаюсь подобрать идеально подходя-

щий цвет, сочетающийся со сливовым оттенком «Прекрасной Софии» и ярко-красным «Красавицы Там-ерики».

– Марина... – проговорила Там, покрывая ногти на моей правой руке слоями лака. – Марина... Твое имя ни с чем не рифмуется.

София вскинула голову.

– Аква Марина!

– Кто бы сомневался! Только слушай, ты, гений, – я ей делаю розовые ногти – брюнеткам этот цвет больше подходит!

Я слушала вполуха, поглядывая то на окно, то на дверь соседского дома. Тамсин подняла на голову и поймала мой взгляд.

– Не, за те десять секунд, что ты не смотрела, он не появился, – широко ухмыляясь, сказала она мне.

Я подумала прикинуться дурочкой, но ограничилась тем, что просто закатила глаза.

– Заткнись.

Нет никакого смысла делать вид, будто я не жду возвращения Джеймса. За три недели отсутствия он отправил мне лишь одно СМС, о том, что сегодня ночью вернётся из Коннектикута. Раньше мы бы перезванивались и обменивались сообщениями все то время, что его не было, но с учетом случившегося перед отъездом это казалось слишком неловким.

– Он точно пригласит тебя на свидание! – сказала София, направившись к моему шкафу и начав рыться в одежде. – Поверить не могу, что ты станешь девушкой Джеймса Шоу!

– Ну, не знаю... – сказала я. Я влюблена в Джеймса столько, сколько себя помню, но никогда и не надеялась, что он ответит мне взаимностью. Учитывая, кто он и кто я, это практически невероятно.

– Да ладно тебе! – Тамсин подула на мои свежеекрашенные розовые ногти. – Он почти поцеловал тебя, а для Джеймса это все равно что предложение сделать! Он до этого целовал кого-нибудь?

В этом я сомневалась, но при одной лишь мысли о Джеймсе, целующем другую девушку, мне поплохело.

– Но с тех пор он со мной ни разу не заговорил! Разве это не значит, что он сожалеет о случившемся?

– Нет, он просто в шоке от осознания, что безумно влюблен в тебя, – сказала Тамсин. – Но теперь, когда у него было время прокрутить это всё в своем большом мозгу...

– Спорим, что большой у него не только мозг? – сказала София, поигрывая бровями.

Тамсин застонала, а я возмутилась:

– Не пошли!

Но София только засмеялась и, надев на себя мой новый кашемировый свитер, принялась разглядывать свое отражение в зеркале.

– Я серьезно! – сказала она. – Ты же понимаешь, что первый шаг должна сделать ты?

– Точняк, – сказала Тамсин. – Только не суетись.

– И как я это сделаю? – сказала я. Уже при одной мысли об

этом меня прошиб пот, а внутри всё задрожало. – Знаете ли, не у всех здесь присутствующих было столько парней, чтобы это получилось так просто.

– С этим-то? – сказала София. – Черт возьми, уверена, что с ним будет легче легкого.

София, издав парочку непристойных стонов, поцеловала тыльную сторону руки, и мы с Тамсин рассмеялись. Лучшее в Софии то, что она никогда не боится выглядеть глупо. Возможно, потому, что она и вправду глуповата. В то же время Тамсин с её аристократическим британским акцентом и внешностью болливудской звезды умудряется поставить себя так, что все, что она говорит или делает, кажется крутым, так что на самом деле здесь только я постоянно беспокоюсь, как бы не выставить себя душой. Я просто до ужаса боюсь снова превратиться в неудачницу, лишённую друзей.

В дверь постучали, и София мгновенно прижала руку ко рту.

– Твои родители дома? – шепотом спросила она.

Я лишь рукой махнула.

– Это всего лишь Лус. Входи!

Лус, наша домработница – она работает у нас еще с тех пор, когда я была совсем маленькой, – заглянула в комнату.

– Милая, я пошла домой, – сказала она. – С тобой же все будет в порядке до возвращения мамы?

Тамсин засмеялась, а я напряглась.

– Лус, мне уже шестнадцать лет, – сказала я. – Думаю, что

я справлюсь.

На её лице промелькнула тревога, и на мгновение мне стало не по себе. Лус – одна из тех немногих, кто любит меня на самом деле, но я хотела, чтобы она перестала относиться ко мне, как к маленькой. Это так унижительно!

– Девочки, если захотите перекусить, то в холодильнике есть лепешки с мясом, – сказала Лус.

– Хорошо, – ответила я, хотя знала, что мы точно не будем их есть. И поскольку она собиралась сказать что-то еще – типа «сладких снов», или «ты слишком мало ешь», или «я тебя люблю», – я поспешила сказать: – Пока, Лус.

– Доброй ночи, милая.

Когда она ушла, Тамсин занялась собственными ногтями, а София примерила парочку платьев, которые я купила в наш последний поход по магазинам. Казалось, они обе сосредоточены исключительно на своих идеальных телах. И я решила, что всю следующую неделю, до начала занятий в школе, не буду есть ничего, кроме салата.

Я вновь глянула на дом Шоу. Этим утром, в преддверии возвращения конгрессмена, приходили уборщики, чтобы расчистить от снега тротуар и подъездную дорожку. Элегантный черный лимузин мог появиться в любую секунду. Это случится, когда я досчитаю до пяти.

Обозначив цифры в голове, я начала отсчет. Три, четыре... пять.

Ничего.

Дотянувшись до телефона, я набрала сообщение нашей подруге Оливии, которая на каникулы отправилась с родителями в Швейцарию. Она звала и меня с собой, но я отказалась только ради того, чтобы быть дома, когда Джеймс вернется. Ну я и дура! Джеймс, где бы он ни был, явно не изнывал от желания вновь увидиться со мной и не прокручивал снова и снова в голове тот случившийся три недели назад момент, когда его губы помедлили в дюйме от моих, прежде чем отстраниться. Я популярна, довольна разумна и очень независима. И вовсе не должна, словно маленькая жалкая девочка, быть одержима парнем вроде него.

Тамсин и София всё ещё были у меня, когда мама, вернувшись с совещания, на котором планировали бенефис симфонического оркестра, хлопнула входной дверью. Звук разнесся по лестнице, и внезапно воздух уплотнился, в нем повисло напряжение, словно вместе с собой мама принесла грозу. Подружки быстренько собрались выметаться, а я пожалела о том, что не могла смыться с ними.

– Напишешь мне позже, ладно? – спросила Там, стоя у двери. – Хочу быть в курсе дела.

– Я скажу тебе первой.

София поцеловала меня в щеку.

– Иди и добудь его себе, тигрица!

– Боже, ты такая дурочка! – сказала я, хотя у меня сжалось сердце. Я вытолкала Софию за дверь и помахала им на прощанье, пока они усаживались в кабриолет Там. Ей не полага-

лось водить машину без сопровождения взрослого – мы еще не могли получить права из-за возраста, – но когда её родителей не было дома, Тамсин тайком брала машину из гаража. Осторожно закрыв дверь и стараясь не шуметь, я устремилась вверх по лестнице.

– Марина! – окликнула меня мама из своей студии в глупине дома.

Застонав, я остановилась на четвертой ступеньке. Почти успела!

– Что?

– Не кричи через весь дом, иди сюда!

Я мученически закатила глаза и, с трудом удержавшись, не ответила, что вообще-то это она начала кричать. Я затопала назад в студию, где мама рисовала картины, которые никто не хотел покупать и которые в конце концов неизбежно останутся висеть в одной из наших гостевых комнат. Думаю, что когда-то она в самом деле мечтала стать великим художником, но максимум, чего она достигла в этом направлении, – организация всяких благотворительных мероприятий по сбору средств для Национальной галереи.

– Ну что еще такое? – спросила я.

– Это что еще за тон? – сказала она, смешивая на палитре несколько разных оттенков красного. – Ты сегодня говорила с отцом?

Можно было бы предположить, что в наше время электронных писем и сотовых телефонов у них не будет нуж-

ды использовать меня как посредника в общении, но нет! В последнее время казалось, что они разговаривают со мной лишь затем, чтобы что-то передать друг другу.

– Нет.

– Ты не могла бы позвонить ему и спросить, собирается ли он быть дома на ужин?

– Почему бы тебе самой не позвонить?

Мать пристально посмотрела на меня поверх холста.

– Марина, я работаю.

Можно подумать, эти картины так важны для неё! Мать тратит кучу времени, планируя мероприятия для какого-нибудь музея или больницы или осветляя волосы в салоне красоты, но стоит ей оказаться дома, и она в ту же секунду запирается в своей студии.

Я думаю, что она просто терпеть не может находиться со мной рядом.

– Ладно. – Я развернулась, чтобы уйти.

– Не пиши ему СМС! – крикнула она вслед. – Ты ведь знаешь, что он никогда не отвечает!

Поднимаясь обратно в комнату, я набрала папин рабочий номер. У него всегда уходит вечность, чтобы ответить, так что, включив на телефоне громкую связь, я положила его на комод и стала переодеваться в пижаму. Мама ненавидит, когда я выхожу на ужин в пижаме. Эту пижаму мне подарила Лус, и едва я выскользнула из удушающе узких джинсов, на покупке которых настояла Тамсин, и перебралась в дешевый

мягкий флис, как все мое тело сразу словно вздохнуло с облегчением. На долю секунды я вспомнила, какое выражение лица было у Лус, когда я сорвалась на неё, и ощутила укор совести. Несмотря на её сомнительный вкус в выборе пижам, я действительно любила эту женщину. Она была одной из тех немногих, кто ни капли не скрывал, что я ей небезразлична, хоть это и означало, что она то и дело ставит меня в неловкое положение своей заботой.

Наконец где-то после четырнадцатого гудка отец снял трубку.

– Что такое, милая?

– Мама хочет знать, ждать ли тебя к ужину.

– Боюсь, что вряд ли. – Мне было слышно, как он что-то печатает. – Сегодня лира покатила прямо в ад. Италия очень нуждается в помощи. Зато Германию не задело. Слава богу, что евро так и не ввели, а то сейчас весь континент пострадал бы. – На самом деле он уже говорил не со мной, и хорошо, потому что на самом деле я его уже не слушала.

– Хорошо, я ей скажу.

– Мы уезжаем завтра рано утром, – сказал он, – так что, возможно, не увидимся. Я говорил с Лус, она побудет с тобой, пока мы в отъезде...

– Папа! Мы уже говорили об этом! – Каждый год после Рождества мои родители отправлялись на несколько недель в Вейл. Я думала, что, возможно, в этом году поездки не будет, поскольку они слишком много ругались друг с другом,

но родители решили, что это будет для них хорошей возможностью «восстановить прежнюю связь». Тьфу! Я подошла к окну и глянула на подъездную дорожку к дому Шоу. – Я уже не маленький ребенок. Я могу пожить одна.

– Прости, милая, но мне не нравится эта идея. Лус побудет...

Но я перестала его слушать: двор осветили фары, и на подъездную дорожку к дому Шоу въехала темная машина. Девчачья бравада, которую я ранее ощущала, испарилась под наплывом адреналина. Джеймс приехал!

– Хорошо, папа, – сказала я, пресекая дальнейшие объяснения об ограблениях после Рождества и вечеринках в старшей школе. – Мне надо идти, пока.

Сбежав вниз по ступенькам, я сунула босые ноги в сноубутсы, которые Лус протерла и поставила около двери. Потом я вытащила из шкафа куртку и некоторое время сражалась с ней, резко став неуклюжей.

– Я к соседям! – крикнула я маме, прежде чем захлопнуть за собой дверь.

Я осторожно сползла по обледеневшим ступенькам крыльца, поскользываясь на скрытой снегом траве, а потом побежала через заснеженный двор к парадной двери дома Шоу. Как всегда, дважды позвонила и, засунув руки в карманы, принялась ждать.

Дверь открылась, за ней оказался Джеймс – весь такой высокий, темноволосый и прекрасный. Всякий раз, когда я

вижу его таким, меня это ошеломляет. Еще пару лет назад он был просто долговязым зубрилой со слишком большими ушами, который вместо вечеринок и тусовок с одноклассниками предпочитал решать математические уравнения. И несмотря на то, что он был Шоу, обычно за обедом с ним никто не садился рядом, кроме меня.

А потом, практически за одну ночь, Джеймс вытянулся на шесть дюймов, дорос до своих ушей и стал очень секси. И все тут же стали добиваться его внимания, потому что, судя по всему, тебе простят даже зубрёжку, если ты сошел со страниц «Вэнити Фэер». К счастью для меня, он остался таким же странным и необщительным, каким и был.

Несколько недель назад я бы просто бросилась Джеймсу на шею, как только открылась дверь, но теперь вдруг оказалось, что я не знаю куда себя деть. Глядя на его губы, оказавшиеся так близко от меня, я ощутила себя куклой из обертки кукурузного початка, вроде тех, какие мы делали в начальной школе, – хрупкой и ломкой. Теперь все стало совсем по-другому.

Джеймс заключил меня в объятия и взъерошил волосы.

– Привет, малышка!

Ладно, не совсем по-другому. Возможно, того почти поцелуя никогда не было. Возможно, я его выдумала.

Что ж я такая дура!

Джеймс отодвинулся и улыбнулся.

– Славная пижама.

Я стукнула его по руке и заставила себя улыбнуться.

– Цыц! Это подарок Лус на прошлое Рождество.

– Это кто? Танцующие олени? – Джеймс наклонился ниже, чтобы лучше разглядеть яркий узор. – Они мне нравятся.

– Ты меня пригласишь войти или нет? Я тут мерзну.

Джеймс отошел в сторону и легким движением руки пригласил меня внутрь.

– Марина, это ты? – спросил со второго этажа Нат, брат Джеймса.

– С приездом, конгрессмен!

Вслед за Джеймсом я прошла через прихожую вглубь дома, на кухню. Там он достал из морозилки галлон мороженого с двойным шоколадом, и я улыбнулась. Он такой сладкоежка!

– А не слишком холодно для мороженого? – спросила я.

– Вот еще! – Джеймс поставил контейнер на барную стойку между нами и вручил мне ложку. – Как дела, Марчетти?

Ты бы знал, если бы общался со мной последние три недели!

Я обошла барную стойку и встала рядом с ним.

– Стой ровно. Хочу на тебя глянуть.

Джеймс улыбнулся и выпрямился, отведя плечи назад. Он на целых восемь дюймов выше меня, с длинными конечностями, сделавшими его лучшим пловцом в Сайдвелле. Темные волосы длиннее, чем я помню, но все так же идеально причесаны, а светло-карие глаза такие яркие, что когда он

мне улыбнулся, то, клянусь, у меня задрожали колени.

– Да, – сказала я, погружая ложку в подтаявшее мороженое. – По-прежнему уродлив.

Джеймс засмеялся.

– Спасибо!

– К тому же ты что-то не выглядишь умнее. Ты уверен, что от твоей шикарной школы есть хоть какая-то польза?

Джеймс покраснел – действительно покраснел, чего обычно никто не делает, но он не только гений, а еще и скромняга. Ему не нравится, когда люди указывают, какой он особенный, раз он окончил школу на три года раньше положенного времени, а сейчас, хотя ему еще нет и восемнадцати, работает над докторской в Университете Джона Хопкинса.

– На самом деле, – сказал он, – я должен тебе кое-что сказать.

И я вновь превращаюсь в пустую кукурузную куколку, и даже легчайшее дуновение заставляет меня хрустеть и ломаться. Может, Тамсин действительно была права. Он всего лишь пытается сделать вид, что все как всегда, потому что он нервничает, – Джеймса нельзя назвать образцом уверенного в себе человека, но он хочет сказать мне, что на самом деле чувствует. Мне просто надо чуть-чуть помочь ему в этом, сделав первый шаг.

– Да? – отозвалась я. – Мне тоже.

На его лице отразилось облегчение.

– Начинай ты.

– Хорошо, – сказала я. И у меня тут же вышибло из головы все мысли.

Надо было заранее потренироваться. Надо было заставить Тамсин и Софию точно рассказать мне, что именно говорить. Драгоценные секунды я истратила на прокручивание в голове того, что уже случилось. Была ночь школьного зимнего бала, и на следующий день Джеймс уезжал в Коннектикут. Танцы превратились в катастрофу. Через десять минут после нашего приезда у меня сломался каблук, София выпила слишком много алкогольного пунша, и её полночи рвало, а Тамсин порвала отношения с Ашером в весьма драматичной манере еще до того, как завершился первый медленный танец. А после этого мой спутник Уилл Денби, с которым я изначально не хотела идти, но Джеймс, само собой, был слишком занят в школе, чтобы пойти со мной, стал физически не способен не клеиться к ней. А закончилось всё тем, что я в одиночестве сидела у стола в углу зала, наблюдая за тем, как эти двое танцуют. Я сбежала на парковку босиком, в одной руке испорченные туфли, а в другой – сотовый.

И хотя я знала, что прямо сейчас Джеймс работает над важным проектом для доктора Фейнберга, я все же позволила ему.

– Извини, – сказала я, когда он поднял трубку. – Я знаю, что ты работаешь...

– Что случилось? – шепотом спросил Джеймс – должно быть, он сидел в библиотеке. – С тобой все в порядке?

– Все хорошо, – соврала я, но сдавленный голос меня выдал.

– Да ладно тебе, Марина.

– Ну... – я глубоко вздохнула и выплеснула все разом. – Софии дурно, а Там танцует с парнем, с которым пришла я. И все просто ужасно! К тому же я сломала каблук на одной из туфель.

– Оставайся там. Я сейчас приеду и заберу тебя.

Я больше не ощущала гравий под ногами. Я воспарила.

– Джеймс, ты вовсе не обязан...

– Двадцать минут.

Через пятнадцать минут он приехал на такси с тубиком суперклея в руках. Он починил мой каблук, пока такси везло нас в закусную Адамса Моргана, там Джеймс обхаживал меня, пока я не поделилась с ним стопкой блинчиков с шоколадной крошкой. Спустя час и такую кучу калорий, что мне страшно было о них думать, стойкое ощущение тошноты в желудке растворилось, и я почувствовала себя счастливой. Просто счастливой.

Когда мы остановились на тротуаре около наших домов, чтобы попрощаться, Джеймс обнял меня и замер, неотрывно смотря на мои губы. Наши лица разделяло всего несколько дюймов. Воздух вокруг нас внезапно наэлектризовался, и я ощутила тепло его тела. Но потом он отодвинулся, и момент был упущен. Мы попрощались, и после этого я его не видела.

Я же не могла просто все это выдумать, не так ли?

– Джеймс... – прохрипела я.

– Что?

– Я... – О боже, боже, божечки! – Ты скучал по мне?

Мне захотелось дать себе оплеуху.

Джеймс послал мне свою самую ослепительную улыбку.

– Конечно!

– Тогда почему ты не звонил? – спросила я. Такой голос, наверное, был бы у щенка, которого пнули, если бы тот мог разговаривать.

– В том-то и дело. – Джеймс придвинулся ближе, поймал меня за рукав и стал поглаживать пальцем одного из оленей в колпаке Санты. Я перестала дышать. – То, о чем я хотел тебе сказать...

И тут все испортил звонок в дверь. Я вздрогнула, и Джеймс отпустил мой рукав.

– Должно быть, это Эбботт, – сказал он. – Я написал ему, когда мы приземлились.

Я попыталась улыбнуться и ощутила, как растянувшиеся губы неприятно прижимаются к зубам.

– Отлично!

Джеймс быстро пошел к дверям, стремясь побыстрее увидеть своего второго лучшего друга, того, кому он написал. А я осталась в кухне, бережно лелея огромную ложку с ледяным мороженым. Потому что я отвратительна. Мне едва было слышно, как мальчишки здоровались в холле и, несомненно, исполняли одно из этих странных мальчишеских

полуобъятий или нечто наподобие совсем взрослого мужского удара кулаком об кулак. С того момента, когда в прошлом году Джеймс пришёл в Сайдвелл встретить меня после занятий теннисом и я увидела, как эти двое кидают мячи в баскетбольную корзину и болтают о компьютерах, я подозревала, что Эбботт станет проблемой, и не ошиблась.

Ненавижу его!

– Привет, Марина! – сказал он, проходя вслед за Джеймсом на кухню. – Славная пижама.

Я закатила глаза и ничего не сказала. Даже не глянула в его сторону.

– Извини, – сказал Эббот. – Я не хотел прерывать веселье.

Я случайно посмотрела на него – в его взгляде светилось издевательское торжество. О да, конечно, ему жаль! Новичок, всегда садившийся во время ланча на самом краю стола, там, где сидела команда баскетболистов, не имевший ни одного настоящего друга, оказался единственным, кому удалось втереться в доверие к Джеймсу! Он отлично понимает, что делает! Джеймс как раз толкнул ему ложку через стол, когда сверху спустился Нат.

– Привет, Марина, – сказал Нат. – Привет, мистер Эбботт.

– Здравствуйтесь, конгрессмен.

– Ребята, вы же знаете, я ненавижу, когда вы так меня называете, – сказал Нат, доставая из холодильника бутылку воды. Нат был почти вдвое старше Джеймса и растил того с двенадцати лет, но совсем не был папочкой или кем-то по-

добным. Летом он без майки отправляется на пробежки по округе, он единственный, кто может выиграть у мальчишек в Call of Duty, и по-прежнему иногда помогает мне пробираться на фильмы для взрослых. – Мне надо съездить в офис на пару часов. Всякие суперсекретные шпионские дела.

Нат – член Комитета палаты представителей по разведке и любит делать вид, будто это превращает его в Джеймса Бонда.

– Значит, будешь возиться с документами? – сказала я.

– Абсолютно верно, всезнайка. – Нат поцеловал меня в макушку. – Не сожгите дом в мое отсутствие, ладно?

– Есть, сэр! – козырнул дурацкий друг Джеймса.

– Очень смешно.

– Я лучше тоже пойду, – сказала я, ухватившись за уход Ната как за возможность слинять самой. Мысль о Джеймсе, который в присутствии своего друга спросит меня, что я хотела ему сказать, вызывала у меня тошноту. – Мама расчихуется.

– Я схожу за портфелем и выйду вместе с тобой, – сказал Нат.

– Эй, – сказал Эбботт, – если ты из-за меня уходишь, то не надо.

– Размечтался!

– Мы можем позже поговорить? – спросил Джеймс, поймав мою руку. – Мне вначале надо сделать кой-какую работу, но потом...

У меня потеплело внутри, вот такая я жалкая.

– Конечно.

Рядом со мной возник Нат, прихвативший портфель и уже одетый в пальто.

– Готова?

– Спокойной ночи, Марина! – сказал этот идиот. – Спокойного сна, и пусть клопы тебя не кусают.

По дороге из кухни я треснула его по плечу.

– Заткнись, Финн!

– И как там в Коннектикуте, конгрессмен? – спросила я Ната, когда мы вышли из дома.

Он пожал плечами и крутанул на указательном пальце ключи от машины.

– Нормально. Но дома лучше. Джеймс действительно по тебе скучал.

– Правда? – возликовала я.

– Конечно. – И он тоже взъерошил мне волосы. То ли это фишка парней Шоу, то ли Марине вновь двенадцать. – И я скучал.

– Спасибо! Не работай слишком много, ладно?

Может, это было игрой света, но, когда мы вышли из тени под свет уличных фонарей, мне показалось, что у Ната изменилось выражение лица, стало жестче.

– Посмотрим.

– С тобой все в порядке? – сказала я, впервые заметив,

что под глазами у него синяки, а кожа выглядит странно натянутой, словно мышцы под ней застыли от напряжения. – Честно говоря, выглядишь ты ужасно.

– Угу, – Нат схватился за живот, словно я его туда ударила. – Ты нашла мое слабое место.

Я улыбнулась.

– Ты знаешь, о чем я. Все в порядке? На нас там Канада нападать не собирается, верно?

– Нет, ничего настолько пугающего не происходит, – сказал Нат, открывая машину и забрасывая портфель на пассажирское место. – Я просто был очень занят расследованием, оно сожрало все мои каникулы. Но тебе не о чем беспокоиться.

– А, тогда ладно.

– Ты... – Нат провел рукой по лбу. – Прости, Марина, очень странно об этом спрашивать...

– О чем?

– Ты не могла бы приглядеть за Джеймсом? Ради меня.

Я нахмурилась.

– Ты о чем?

– Я беспокоюсь, что он слишком много работает.

Я засмеялась.

– Он всегда слишком много работает!

– Да, – сказал Нат, – но сейчас это выглядит немножко иначе. Если он вдруг скажет что-нибудь странное или начнет вести себя как-то необычно, ты мне скажешь? В смысле,

необычно для Джеймса.

Меня пробрало холодом, и я поплотнее запахнула куртку. Снаружи было холоднее, чем мне казалось.

– Да, наверное, почему бы нет?

– Спасибо, Марина, – сказал Нат. – Ты хороший друг. А теперь иди-ка быстрее внутрь, пока ты совсем не замерзла.

Я улыбнулась и пошла обратно через лужайку.

– Доброй ночи, конгрессмен!

– Нат! – крикнул он мне вслед и подождал у машины, пока я не зашла в дом.

Негромкая трель вынула меня из глубин сна. Я кое-как приоткрыла едва видящий глаз и дотянулась до телефона, мерцающего голубым в темноте спальни. На дисплее высветилось «Джеймс».

– Тьфу! – Я нажала на кнопку ответа. – Ты чего мне звонишь, ненормальный?

– Я же тебя не разбудил, правда? – спросил он.

– Ну конечно нет. Сейчас ведь только... – я глянула на часы, – полтретьего ночи.

– Ой, прости! Я не соображал, что уже так поздно. Когда Финн ушел, я сел за работу, и, судя по всему, потерял счет времени.

Я вылезла из кровати и набросила на плечи теплое одеяло. Прижав телефон к уху, я устроилась на подоконнике напротив своей кровати. Джеймс сидел на противоположном ок-

не, окруженный горой открытых книг и бумаг, а золотистый свет от настольной лампы создавал вокруг него ореол.

– Помнишь, когда-то у нас между комнатами была натянутая проволока, соединяющая две жестяные банки из-под супа? – спросил он. Звук его голоса в телефоне на мгновение отставал от движения губ, так что он выглядел, словно какой-нибудь персонаж диафильмов, которые мы смотрели в начальной школе, – несинхронным. Я улыбнулась.

– Если я правильно помню, то их быстро заменили на рации. Мама сказала, что из-за висящих на окнах жестяных банок мы выглядим как бомжи.

– Да, но с ними было значительно веселее.

– Ты меня ради этого разбудил?

– Я совсем забыл, в каком ты настроении, если тебя разбудить, – улыбнулся Джеймс. – Вообще-то я кое-что хотел спросить до того, как ты так рано убежала...

– Ничего я не убегала.

– Нат завтра выступает на каком-то благотворительном мероприятии в пользу Комитета Демократической партии в отеле «Мандарин Ориентал», – продолжил Джеймс, не обращая внимания на мою реплику, – и им нужно пару человек, чтобы заполнить пустые места. Скорее всего, там будет скучно, но он уже внес твое имя в список гостей и тебя уже проверила служба безопасности, так что, может, ты не против поужинать завтрашним вечером, пока вице-президент будет читать речь?

Джеймс приглашает меня на свидание? Месяц назад мне бы это и в голову не пришло, но сейчас...

– Туда надо наряжаться? – спросила я.

– Официальный вечерний стиль. А ты думала, что у тебя никогда не будет повода вновь надеть свое платье с зимнего школьного бала.

Шикарный ужин с Джеймсом, облаченным в смокинг, в банкетном зале в Вашингтоне. Да, думаю, что я смогу это пережить. Мой мозг тут же принялся рисовать подробнейшие картинки: вот лицо Джеймса, когда он видит меня в платье, вот мы оба тянемся за масленкой, и наши руки соприкасаются и задерживаются, вот во время импровизированного танца он, кружа, уводит меня на улицу, под свет фонаря. А потом он склонится и скажет все то, что хотел сказать, все те слова, которые он мечтал произнести на протяжении последних недель: что он любит меня и не может без меня жить.

– Да, и Финн тоже пойдет.

Осколки мечты осыпалась к моим ногам, и я скривилась. Финн Эбботт портит все!

Джеймс увидел мое выражение лица и засмеялся.

– Тебе стоит дать ему шанс. Я думаю, что он тебе по-настоящему понравится. Ты ему нравишься.

– Ты настолько плохо распознаешь ложь, что это даже мило.

– В любом случае...

– Я не понимаю, почему ты с ним дружишь. Он же идиот.

– Ничего подобного. Он отлично разбирается в компьютерах, ты знаешь, что он сам собрал свой собственный.

– Ладно, он такой же ботаник, как и ты. Но все равно он идиот.

– Он забавный, – сказал Джеймс, – и он ведет себя со мной, как с нормальным человеком. Ты можешь один вечер хотя бы попытаться нормально себя с ним вести?

Я вздохнула.

– Если этот вечер по сбору средств окажется скучным, то ты должен разрешить мне хоть как-то повеселиться.

Он улыбнулся, и я клянусь, что в комнате стало немножко светлее.

– Вполне справедливо. Так ты участвуешь?

Возможно, это не станет той сказкой, на которую я рассчитывала, но все равно – это же Джеймс в смокинге. Даже если там будет и Финн.

– Ладно, участвую.

– Отлично! Тогда тебе лучше поспать. Уже поздно.

– Да неужели?

– Ха-ха. – Он начал вставать, но затем остановился. – Подожди, а что ты мне сегодня чуть раньше хотела сказать?

«Я не чувствую себя настоящей, когда тебя нет рядом».

Я сглотнула. Я не могу это сделать, не сейчас.

– Ничего. Я позже тебе скажу.

– Да, – сказал он. – Я тоже. Наверное, лучше это сделать, когда ты не будешь такой сонной.

– Ага, – прошептала я.

– Доброй ночи, Марина.

Джеймс отключился и ушел, а через мгновение в его комнате погас свет. Я прижалась лицом к окну, подышала на стекло, чтобы оно запотело, и пальцем нарисовала сердце.

– Ну, что ты сделала? – спросила Тамсин, как только я открыла дверь.

– Ничего, – ответила я. – Я не смогла ни сказать ничего, ни сделать. Он сказал, что ему нужно о чём-то со мной поговорить, я ответила, что мне тоже, но потом не смогла. Поэтому я просто притворилась, что все в порядке, а потом пришел Финн Эбботт...

Тамсин скорчила рожицу.

– ...и я ушла! Мне нужна твоя помощь.

Она взяла меня за руки.

– Похоже, твой случай, Марина, совершенно безнадежен, но если кто-то и может спасти твою унылую личную жизнь, так это я.

Она повела меня наверх и усадила на кровать, а сама принялась просматривать одежду в шкафу, украшения и косметику – большую их часть она сама же и помогала мне выбрать – и собрала всё необходимое. Двадцать минут спустя приехала София и привезла с собой сумку обуви и чемодан на колесиках, полный косметики и средств для волос. Они начали спорить о преимуществах блеска или его отсутствия,

а меня отправили принять душ.

Когда я вернулась в халате, они обе были готовы. София посадила меня в кресло у стола, на котором уже выстроилась батарея ожидающих меня средств.

– Сейчас мы все сделаем! – пообещала она. – Ты будешь выглядеть круто!

Тамсин начала делать мне макияж, а София занялась волосами, я же просто закрыла глаза и позволила всему происходить. Они прекрасно умеют делать такие штуки, в отличие от меня. Первый шаг к тому, чтобы сегодня не быть глупой, – это не выглядеть глупо.

А теперь мне лишь надо понять, как себя вести.

– Пока ты была в душе, мы поговорили, – сказала Тамсин, – и решили, что он точно стесняется, и ты должна взять инициативу на себя.

– Угумс, – сказала София, продираясь сквозь мои спутанные волосы.

– Но как мне это сделать? – спросила я.

– Дай волю своей внутренней сексуальности. – Там подняла мой подбородок, и я открыла глаза. – Вы с Джеймсом Шоу лучшие друзья. Ты живешь в лучшем районе города, твой отец практически управляет Всемирным банком, а с тех пор, как ты стала нашей подругой, ты одна из самых популярных девушек в Сайдвелле. Марина, да ты представительница знати округа Колумбия, уясни же это наконец! Этот парень станет счастливчиком, если ты ему достанешься.

Думаю, что она права. Я прошла длинный путь. Джеймс был моим единственным другом в Сайдвелле, но когда мне стало тринадцать, этот дурацкий гений закончил школу и бросил меня одну в сложной ситуации. Зато потом Тамсин и София взяли меня под свое крылышко, и теперь, когда я захожу в комнату, все поворачивают голову в мою сторону.

– Ладно, – сказала я. – Да. Да! Я могу это сделать.

– Конечно, ты можешь, – сказала Там. – Просто будь уверена в себе.

– Просто сорви с него одежду, – сказала София. – Он – парень. Он просто не сможет устоять.

– О боже, Соф, – сказала Там. – Ты такая потаскушка!

София лучезарно улыбнулась.

– Я знаю. – Мы с Там засмеялись, а София добавила: – Но разве я не права?

– Права. – Тамсин жестом показала мне, чтобы я открыла рот, и начала накладывать губную помаду. – Тебе точно надо с ним переспать. Алё, ты идешь на шикарный прием, где скорее всего будет бесплатный бар, и твои родители уехали из города. Просто прекрасно. К тому же тебе уже шестнадцать. Еще немного, и это уже будет неприличным.

– О боже, твой первый парень – Джеймс Шоу!

От слов Тамсин у меня в жилах застыла кровь. Это уже становится неприличным. Меня перенесло в мои тринадцать, когда я застывала в дверях столовой, не зная куда пойти, и смотрела на каждый стол как на потенциальное минное

поле. Первые две недели я закрывалась в туалетной кабинке и ела там, просто чтобы этого избежать. Точно так же, как когда-то, по словам Джеймса, поступал он сам – в течение целого семестра, когда все происходившее слишком утомляло его, он прятался в туалете и сидел, скрестив ноги. Я не могу вновь стать этой девочкой.

Кроме того, я люблю Джеймса. Он милый, и знаменитый, и красивый. Почему же мне не переспать с ним?

– Точно, – сказала я, и хотя это прозвучало неубедительно, они этого не заметили.

Следующие полчаса я страдала от того, что Там и София меня тянули, тыкали и дергали, и все это время они давали мне советы о сексе, которые из-за нервозности вызывали лишь тошноту. Меня нельзя назвать абсолютно невинной, но Там все равно пожаловалась, что я слишком краснею и это мешает ей правильно нанести макияж.

Когда они наносили завершающие штрихи, раздался звонок в дверь. Джеймс так боится опоздать, что обычно ставит себе несколько будильников, и все заканчивается тем, что он приезжает на пятнадцать минут раньше. Даже отсюда мне был слышен радостный возглас Лус, открывшей дверь, приглушенный поток стремительных испанских слов, которыми они обменивались.

– Отлично, все готово, – сказала Тамсин. – Ты готова на себя посмотреть?

София прикрыла мне глаза рукой, и они поставили меня

перед ростовым зеркалом. София убрала руку.

– Та-да-да-дам!

Я внимательно посмотрела на себя. Платье у меня потрясающее – это я точно знаю. Покупая его, я сильно рисковала, используя кредитную карту папы и надеясь, что он не заметит превышенный вдвое бюджет. Он заметил, но это того стоило. Платье было глубокого синего цвета с искрой, словно небо спустя двадцать минут после заката, наполненное десятью тысячами звезд.

С остальным, даже после того, как Тамсин и София применили свое незаурядное мастерство, все равно были проблемы. Я улыбнулась своему отражению так, как хотела улыбнуться при виде Джеймса, чтобы посмотреть, как это будет выглядеть. И он увидит потрясающее платье на девушке с большим носом, громадным прыщом на подбородке, который не скроешь никаким консилером; с толстыми щеками и полным отсутствием груди, которое не замаскируешь никаким платьем. Ну, и плюс мягкие локоны и идеальный смоки айс, благодаря помощи её друзей.

Ради их спокойствия я подавила вздох. Хорошо подобранные одежда и макияж могут обдурить большинство людей, но, наверное, приятно хотя бы раз действительно побыть хорошенькой.

– Девчонки, это просто отпадно! – сказала я, надеясь, что они не расслышат фальшь в моих интонациях. – Вы великолепно поработали!

София подала мне инкрустированный кристаллами клатч, который она стащила из шкафа моей матери, и мы втроем отправились вниз.

Джеймс сидел у кухонного стола – в своем изготовленном на заказ смокинге он выглядел, словно заблудившаяся кинозвезда, – и ел блинчики. Лус положила ему целую горку. Когда мы вошли, он обернулся. В уголке его губ налипла сахарная пудра. Он уставился на меня. Или, что вероятнее, на огромный прыщ на моем лице. Я нервно облизнула губы и ощутила восковой, слегка ванильный привкус Софиинового блеска для губ.

– Ох, солнышко! – сказала Лус. – Ты прекрасна!

Джеймс встал, и я практически почувствовала, как София и Тамсин у меня за спиной задержали дыхание.

– Ты готова ехать? – спросил Джеймс. Сердце мое сжалось так, будто я ожидала, что, поражённый моей красотой, он упадет на колени и объявит прямо тут, в кухне, о своей бесконечной любви ко мне. А все потому, что я – идиотка.

– Готова, готова, не сомневайся, – сказала София, подталкивая меня в спину. У неё удивительная способность – заставлять даже самые обыденные вещи звучать скабрёзно. – Привет, Джеймс.

– Угу, да... привет, – сказал Джеймс, вспыхивая и глядя куда угодно, но только не на Софию. Её идеальные светлые кудри и пухлые губы многих парней заставляли смущаться, но Джеймса они пугали до смерти. Даже если он никогда не

мог вспомнить её имя.

– Как там Коннектикут? – спросила Тамсин, выйдя из-за меня и присоединившись к Софии возле Джеймса. – Мы по тебе скучали.

Джеймс нахмурился.

– Нормально. Много работы. Ну, ты знаешь.

– Да? А над чем ты работаешь?

– Я... эм... Это достаточно сложно объяснить...

Там с Софией устали на Джеймса так, словно никогда в жизни не слышали ничего более захватывающего, чем его заикание. И попутно абсолютно позабыли обо мне, стоящей позади.

Джеймс глянул на часы, а потом на меня.

– Извините, но нам пора идти, Марина.

– Точно, – сказала я, хотя знала наверняка, что еще рано. Это моя работа, как лучшего друга Джеймса, спасти его от его же неловкости, но, честно говоря, дело еще и в том, что мне ненавистно видеть, как он разговаривает с Софией и Тамсин. Возможно, я просто ревную, потому что в глубине души я чувствую, что Джеймс мой, а они вьются вокруг него, словно хищники. Иногда я даже задаюсь вопросом: на самом ли деле они хорошо ко мне относятся или дело в моей близости к нему?

Тамсин и София последовали за мной в прихожую, чтобы попрощаться. Они хихикали и бросали намеки, но улыбка моя выглядела натянутой.

– Позвони мне потом, – прошептала Тамсин, целуя меня в щеку, и они выскользнули в дверь.

– Хотите что-нибудь перекусить до отъезда? – спросила Лус из кухни.

– Там будет ужин. – Я вытащила из шкафа в прихожей свое длинное пальто и безупречно белый кашемировый шарф, который надевала только по особым случаям. Где-то у себя за спиной я ощутила приближение Джеймса, как будто его присутствие изменило вес воздуха.

– Но вы до этого можете проголодаться! – сказала Лус. – Хотя бы возьмите что-нибудь перекусить. Хоть яблоко. Ты так мало ешь!

– Достаточно я ем! – сказала я. Если бы ей дали волю, то я была бы не только невзрачной, но еще и толстой. Но я взяла яблоко, которое Лус поспешила принести в прихожую, – просто чтобы порадовать ее.

Джеймс точно так же взял апельсин, который она ему дала, и положил в карман, что выглядело глупо. Потом он подал мне пальто. Когда он помогал расправить ткань на плечах, его руки скользнули по моим волосам, и у меня по коже побежали мурашки. У меня в голове звучал голос Софии, объясняющий, как именно лучше всего вытряхнуть парня из его одежды.

Я намотала шарф и на мгновение задумалась: может, удушить себя им прямо тут и не мучиться?

Пять

ЭМ

Сознание вернулось ко мне прежде моего тела. Я бы запаниковала, будь у меня сердце, чтобы забиться сильнее, кровь, чтобы хлынуть, или мозг, чтобы анализировать, но я ничего не чувствовала. Не было ни ощущений, ни мыслей – лишь бескрайнее ничто.

Получилось? Или так выглядит смерть?

Ощущения начали медленно возвращаться. Первой стала невероятная тяжесть в голове – словно деревянная колода, пригибающая меня к земле. Ну и ладно. Зато у меня снова была голова, и это такое облегчение! Потом появилась царапающая щеку шероховатая поверхность и болезненное покалывание в конечностях, напомнившее, что у меня есть конечности.

Первой моей связной мыслью было «Финн». Я попыталась пошевелиться, дотянуться до него, но меня словно лед сковал.

Я кое-как приподняла веки и мельком взглянула на размытый, чрезмерно яркий мир. Я судорожно втянула воздух в легкие, и их снова обожгло.

Покалывание усилилось и перешло в боль, острую и резкую, пронзившую мою затвердевшую плоть. Я попыталась крикнуть, но услышала лишь тихий стон и смутно догадалась, что он, должно быть, исходит от меня.

Где-то Финн позвал меня по имени.

Горячая волна прокатилась по моему телу, и мышцы скрутило судорогой. Я с трудом приподнялась на локте и извергла наружу скудное содержимое моего желудка. Ощущение было такое, словно тело пытается вывернуться наизнанку. Внезапно меня коснулись руки Финна, смахнули волосы с липкой щеки, и я благодарно прижалась к его прохладной коже.

Заклинание развеялось, и я сумела открыть глаза. Финн сидел рядом, склонившись надо мной. Судя по его виду, он не меньше моего вымотался и страдал от боли.

– Ты в порядке? – спросил он.

Я кивнула и с трудом вытерла лоб рукавом.

– Вроде да. Это было ужасно.

– Да уж. Летающий автомобиль намного приятнее.

Финн огляделся, обшаривая взглядом каждый дюйм пустого склада, как будто это была какая-то странная, чужая планета. Несколько секунд назад мы были в пустой комнате, в окружении солдат, а теперь очутились в каком-то складском помещении. Лабиринт коридоров над коллапсом сменился рядами непонятного хлама.

– Мы действительно это сделали! – сказал Финн. – Пове- рить не могу!

Я не разделяла его благоговейный восторг. Путешествия во времени – не чудо, а мерзость.

Финн заправил прядь волос мне за ухо таким естественным движением, словно он проделывал это ежедневно на протяжении многих лет.

– Ты как, можешь встать?

Собственное тело до сих пор казалось мне полым и нематериальным, как будто я случайно оставила часть его в будущем.

– Не знаю. Сможешь меня поймать, если я начну падать?

– Сомневаюсь, – отозвался Финн. – Но я позволю тебе упасть на меня. Это будет славное мягкое приземление.

Я улыбнулась.

– Мой герой!

И мы попытались встать. Было трудно сказать, помогаем мы друг другу или мешаем. Стоило Финну пошатнуться, и он чуть не ронял меня вместе с собой, а я – его, но мне и в голову не пришло, что стоило бы его отпустить, пока мы не поднялись с коленей в неустойчивый полуприсед.

Мы встали и попытались стоять прямо. Но как только это нам удалось, Финн ухмыльнулся и обнял меня. Он так был доволен, осилив это простое действие, что я невольно рассмеялась. Он тоже засмеялся, и вскоре мы смеялись на пару, до истерики, цепляясь друг за дружку и задыхаясь. Не знаю, что было тому причиной: затянувшаяся дезориентация после путешествия во времени или просто радость свободы, но

я не чувствовала себя такой счастливой уже много месяцев. Много лет.

Но каким-то образом даже сквозь наш смех я расслышала щелчок затвора.

– Не двигаться!

Финн оцепенел у меня в объятиях, а я подняла руки вверх, как послушная маленькая пленница, каковой я и являлась. Солдат, подобравшийся к нам, пока мы хохотали, подошел поближе. Дуло его пистолета смотрело прямо мне в лицо.

– Что вы здесь делаете? – спросил он. Руки его слегка дрожали, и эта дрожь, передаваясь оружию, заставляла его подрагивать.

Я сощурилась, приглядываясь – мои глаза все еще слезились, и все перед ними расплывалось, – а потом узнала это лицо.

– Коннор?

Нам не сразу удалось его убедить, но когда я показала Коннору его собственное фото и фото его будущей жены – как я теперь узнала, ее зовут Лаура, – официантки из небольшого ресторанчика, уже дважды отказавшейся пойти с ним на свидание, – Майк Коннор начал нам верить.

Право слово, мне было бы трудно его упрекнуть, пристрелили он нас на месте.

По моей просьбе Коннор провел нас в дальний угол здания. Через четыре года здесь будет засекреченное правитель-

ственное учреждение, место расположения самого большого в мире коллайдера, но в данный момент, как объяснил нам по пути Коннор, это был просто армейский склад, забитый сотнями старых автомашин, всякого снаряжения, ожидающего списания, и прочего хлама. Коннор был здесь младшим офицером, отвечающим за ночную смену.

По пути я то и дело поглядывала на него – никак не могла удержаться. Совсем недавно я видела, как умирает его более старшая версия, с сединой, подернувшей виски, и с морщинами в уголках глаз. Двух этих Конноров разделяло всего четыре года, но нынешний выглядел на добрых десять лет моложе и мягче. Будущее заставило Коннора постареть до срока, так же, как и нас с Финном. Этот молодой Коннор смотрел на меня, как на какое-то привидение, оживший призрак.

Он уже мертв, если только мы с Финном не спасем его.

– Не понимаю, – сказал Коннор по дороге. – Ну, то есть я вам верю – я же видел, как вы появились из ниоткуда, и у вас эта фотография – но у меня такое ощущение, что мой мозг вот-вот взорвётся.

– На самом деле все очень просто, – сказала я. – Вы знаете теорию относительности Эйнштейна?

Коннор уставился на меня.

– Давайте для простоты считать, что нет.

– Ну, я тоже не сказать чтоб прямо знаю... ладно. – Я потрянула головой, чтобы в мыслях прояснилось. – По сути пространство и время – одно целое, этакий гигантский

фильм, простирающийся во вселенной, именуемой пространство-время. Плотные объекты искривляют ткань пространства-времени – как батут, когда на него кто-то становится. Если взять что-нибудь достаточно тяжелое – невероятно тяжелое, – оно может прорвать дыру.

– Окей, это я уяснил.

– Так вот, в будущем правительство построит тут здоровенный коллайдер по имени «Кассандра». Когда определенные субатомные частицы будут при правильных условиях сталкиваться в нем друг с другом, эти частицы от удара сверхуплотнятся и станут достаточно тяжелыми, чтобы пробить крошечное отверстие в пространстве-времени. Мы пришли через эту дыру.

– Зачем?

– Затем, что будущее нужно изменить. Нам нужно уничтожить «Кассандру» до того, как ее построят, или миру конец. Люди не созданы для путешествий во времени.

– Но... – Коннор прижал пальцы к вискам. – Если вы уничтожите эту машину до того, как она будет построена...

– Тогда она никогда не появится, и нам не на чем будет вернуться во времени, чтобы уничтожить ее? – подсказал Финн.

– Точно!

Я кивнула.

– Это парадокс. Дело в том, что время не линейно, как мы представляем. У одного моего знакомого была своя тео-

рия насчет времени: он считал, что время – это своего рода сознание. Оно наводит порядок и бережет себя от парадоксов, которые могли бы его разрушить, – замораживает определенные события и охраняет их от изменений. Действие – например, мы что-то делаем, чтобы уничтожить «Кассандру», – встраивается, а бездействие – мы никогда не возвращаемся обратно, чтобы остановить эту машину, потому что мы не можем совершить это путешествие, – нет. Когда мы... сделаем то, что нужно, чтобы уничтожить «Кассандру», это превратится в замороженное событие, защищенное от парадоксов.

– А как вы вернетесь в свое время? – спросил Коннор.

Финн быстро взглянул на меня, прежде чем ответить.

– Мы не вернемся.

– А! – Коннор помрачнел. – Ясно. Вот, мы пришли.

Мы очутились в дальнем углу склада. В бетонном полу был устроен небольшой сток. Пять с половиной дюймов в ширину, тридцать две дырочки, а вот вмятины с пятицентовую монету размером еще нет, и стен из шлакоблока вокруг него – тоже.

– Для чего он? – спросила я. – Я об этом думала каждый день, пока сидела здесь, в камере.

Коннор пожал плечами.

– Да они тут повсюду. На случай, если вдруг система пожаротушения выйдет из строя или случится наводнение.

Какой безобидный ответ! Мне вспомнились все те ужасы,

которые я себе воображала, – как я часы напролет смотрела на этот сток и представляла, как в него утекает моя кровь.

– Вам нужно узнать все, что только можно, об этом здании, – сказала я. – Все ходы и выходы. Тогда они оставят вас здесь, а не заменят кем-нибудь другим, когда займут это место. Вы – лояльный и трудолюбивый сотрудник, и вас повысят. Однажды вы услышите, что я украла ложку, и поймете, что мы готовы к тому, чтобы вы помогли нам сбежать.

– Господи, я поверить не могу, что ты действительно все это говоришь, – сказал Коннор. – Это звучит настолько невероятно!

– Ах, если бы!

– А как я в первый раз понял, что надо выпустить вас оттуда? – спросил Коннор. – Вас же здесь не было, чтобы мне об этом рассказать, пока все не произошло.

– Не знаю, – призналась я. – Наверное, те наши версии как-то сумели поверить друг другу.

Коннор запрокинул голову, словно пытался заглянуть за горизонт.

– Неужели будущее действительно настолько скверное?

Финн шагнул вперед и коснулся стены склада, той самой, которая однажды станет частью его камеры.

– Еще хуже.

Я посмотрела Коннору в глаза. Сейчас они были оцепеневшими от ужаса, но когда-нибудь они станут единственными глазами, которые за много месяцев посмотрят на меня

по-доброму.

– Мы не сможем изменить ход вещей без вас, Майк. Вы – ключ ко всему.

Коннор мгновение помешкал, чтобы переварить эту мысль, и вздохнул.

– Ну, вы, наверное, уже знаете, что я собираюсь согласиться, да?

– Теперь знаем.

Коннор достал из кармана складной нож и начал отвинчивать решетку со стока. Я в последний раз посмотрела на листок бумаги, который пронесла в своем кармане сквозь время. Мне нечего было вычеркивать. Мои более ранние версии, те Эм, которых я никогда не знала, возникавшие при каждой попытке изменить время, оставили записи о каждом плане, который они испробовали, чтобы предотвратить такое будущее. Остался всего один способ, и он выпал на мою долю. Если его убийство не поможет, то уже ничто не поможет.

Я поцеловала листок и положила обратно в пакет. Если я потерплю неудачу, быть может, следующая Эм – та, которая сейчас находится где-то здесь, счастливая и беззаботная, и понятия не имеет, что ее ждет, – преуспеет. Я засунула полиэтиленовый пакет поглубже в сток, и когда Коннор стал привинчивать решетку на место, я от всей души надеялась, что она никогда больше не очутится в этой камере и ей не придется находить эту записку.

Коннор спрятал нас в особенно захламленном уголке склада, потом принес нам крекеры с арахисовым маслом и чипсы из торгового автомата и оставил нас в списанном «Хамви». Финн поделил еду – я заметила, что он отдал мне куда больше половины, но не стала его останавливать, – и мы молча поели, устроившись на потрескавшихся кожаных сиденьях здорового автомобиля.

– Господи! – простонал Финн, слизывая с пальцев ореховую пыль. – Ты помнишь, чтобы «Доритос» были такими вкусными?

– Я вообще не помню ничего настолько вкусного. – Я подцепила полоску арахисового масла с крекера и всосала его, пытаюсь растянуть на подольше. – А какое тут мягкое сиденье!

Финн попрыгал на кожаной подушке.

– Это божественно!

Знаете, что хорошего в том, чтобы несколько месяцев просидеть в тюрьме? Вас потом нетрудно будет порадовать.

Остаток ночи мы провели в «Хамви». Финн сидел так близко, что мог бы прикоснуться ко мне, но не стал этого делать, и я была ему за это благодарна. Я и без того пребывала в растрепанных чувствах. Вместо этого мы просто разговаривали, и в темноте машины мне так трудно было рассмотреть лицо Финна, что мы как будто снова очутились в своих камерах. Как ни удивительно, это действовало на меня успокаивающе. Мы с ним провели массу времени, беседуя через

разделяющую нас стену, и в безопасности наших собственных маленьких тюрем сказали друг другу много всего такого, чего никогда не стали бы говорить лицом к лицу. Хорошо, что можно постепенно, понемногу вспоминать, каково это – находиться в одном помещении.

– Напомни мне, что мы пытались сделать перед этим? – спросил Финн. – Ну, то есть наши последние версии.

– Мы... они избавились от Ноя Хиксона, – сказала я. Это был пункт четырнадцатый в списке. Я так долго смотрела на него, что теперь, стоило мне зажмуриться, перед глазами вставало каждое слово.

– А, ясно. От того инженера?

– Угу. Наверное, они думали, что доктор не сумеет спроектировать «Кассандру» без его помощи.

– Все так же не можешь называть его по имени, да?

Я покачала головой. Одна мысль об этом имени на моих губах вызывала тошноту.

– И я тоже, – прошептал Финн. – А как они от него избавились? Думаешь, они его убили?

– Не знаю, – отозвалась я. Я надеялась, что нет, хоть это и было глупо. Какое мне дело до того, что другая версия меня когда-то сделала с абсолютно незнакомым человеком?

– Но «Кассандра» все-таки построена.

– Получается, у нас нет выбора?

– Не думаю.

– Эм!..

– Что?

– Я понимаю, что между нами по-прежнему все сложно, и звучит это как-то по-девчачьи, но... – Финн придвинулся поближе в темноте. – Можно я возьму тебя за руку?

У меня перехватило горло. Я протянула ему руку. Наши пальцы переплелись, и так мы и держались друг за друга, пока не заснули.

Через некоторое время нас разбудил Коннор, и при свете мне оказалось трудно смотреть Финну в лицо.

– Я тут тебе принес кое-какую обувь, – сказал Коннор и бросил к ногам Финна потрепанные кеды. – Нельзя же спасать мир босиком.

Финн натянул кеды на ноги, все еще заляпанные кровью умерших в будущем солдат. Мои тюремные тапочки были тоненькими, но я уж как-нибудь доберусь в них до места, куда бы мы ни направлялись. Пока Коннор объяснял, как он планирует вывести нас со склада, Финн зашнуровывал кеды. В план Коннора входили погрузочная площадка и несколько старых деревянных поддонов – Коннор сказал шефу, что хочет приспособить их для хранения инструментов. Двадцать минут спустя мы уже лежали в кузове пикапа Коннора, накрытые брезентом вместе с пыльными поддонами, пока Коннор проезжал через караульный пост на дороге, ведущей прочь от склада.

– Ну вот, – прошептал Финн, – по крайней мере, это ка-

жется знакомым.

Как только мы отъехали на несколько миль, Коннор остановился на обочине, и мы втиснулись в кабину грузовичка. Он отвез нас к себе домой, пустил в душ и дал свою одежду, чтобы мы могли переодеться в чистое. Я вышла из ванной – с мокрых волос капало на здоровенную черную толстовку Коннора, – и пошла искать Финна. Финн – в черных джинсах с продранными коленями и футболке с длинными рукавами – обнаружился за кухонным столом. Он ел блинчики. Коннор подвинул мне тарелку.

– Это все, что я умею готовить, – сказал он.

Я села и целую минуту лишь таращилась на стопку блинчиков, истекающих сиропом и усеянных лужицами масла. Мне хотелось свернуться вокруг них калачиком.

Не знаю, как долго мы с Финном ели, – знаю лишь, что Коннору пришлось испечь нам еще порцию, потому что первую мы смели в считанные минуты. К тому времени, когда я наконец отложила вилку, я была так набита блинчиками, что боялась, как бы меня не стошнило, – но никогда еще я не чувствовала себя так замечательно. Я наслаждалась своей тошнотой, и судя по протяжному стону Финна – он тоже.

Пока Финн мыл посуду, Коннор вышел и вернулся со спортивной сумкой в одной руке и пластмассовым футляром в другой.

– Запасная одежда, – сообщил он. – Немного медикаментов первой помощи, пара протеиновых батончиков. Не бог

весть что, но...

– Это великолепно, Коннор, – сказала я. – Спасибо тебе.

– Тут вот еще... – Он открыл футляр. Внутри оказался полуавтоматический пистолет и коробка патронов. Мы с Финном переглянулись. Мы не говорили Коннору, что собираемся в кого-то стрелять. – Вам ведь это понадобится, верно?

Финн неестественно рассмеялся.

– Нет! Нам вовсе не нужен пистолет!..

– Твой пистолет, – вклинилась я. Коннор заслуживал хотя бы того, чтобы знать правду, – после всего того, что он сделал для нас. – Мы не хотим, чтобы следы привели к тебе. Ты должен через четыре года работать на «Кассандре», а если из твоего пистолета будет совершено убийство, этого ни за что не допустят.

– Я его купил на выставке оружия в Аризоне. Там регистрация не требуется. Так что никакие следы ко мне не приведут. – Он снова протянул мне футляр. – Все в порядке. Я понимаю, что невозможно изменить мир, не причинив никому вреда.

Я посмотрела на пистолет. По правде говоря, он действительно может нам понадобиться. С пистолетом можно убить издалека. Не придется смотреть в глаза тому, кого лишаешь жизни. Да, он точно нам понадобится. Я взяла футляр.

– Эм... – произнес Финн.

– Вы умеете с ним обращаться? – спросил Коннор.

Я проверила, стоит ли пистолет на предохранителе, за-

крыла футляр и сунула в спортивную сумку.

– Да, – сказала я, вспоминая долгие стрелковые тренировки. Джонас уводил нас в горы, и мы стреляли по грубым самодельным мишеням, прибитым к деревьям. – Умеем.

Уютное тепло маленькой кухни и вкус сиропа во рту рассеялись. Мы не на каникулах в нашем безбедном прошлом. Мы на задании. Нельзя позволить себе забывать об этом ни на мгновение, потому что воспоминания причиняют боль.

Коннор отвез нас на автобусную станцию в соседнем городке. Это оказался Октон, штат Пенсильвания. Все эти месяцы мы с Финном понятия не имели, где мы находимся. Я прижалась лбом к холодному стеклу грузовичка и смотрела на проплывающий за окном мир. Сперва вокруг были лишь пашни, припорошенные искрящимся белым инеем. Время от времени среди полей попадался дом, или ярко-красный амбар, или пасущаяся лошадь. Небо было совершенной голубой чашей, накрывающей мир: цвет был насыщенным у нас над головами и выцветал к горизонту почти до белого. Я напрочь забыла, какое же оно огромное. Мы въехали в городок, где останавливались автобусы, и у меня перехватило дыхание.

Тут были разноцветные навесы над дверями магазинов на главной улице и кованые фонари, все еще украшенные пышными рождественскими гирляндами. Люди на улицах не торопились, не шагали, опустив головы, не оглядывались, чтобы проверить, не появились ли поблизости солдаты. Когда я

в последний раз была на улице, на каждом перекрестке стояли морпехи с автоматами, которые могли вообще без всяких причин потребовать у тебя предъявить документы. Мы воевали с Китаем и боялись надвигающихся воздушных налетов на Калифорнию. Группы террористов взрывали бомбы в городах восточного побережья. Даже дома люди не были в безопасности. Правительство следило за мобильными телефонами и интернетом, и достаточно было одного подозрительного слова, чтобы к тебе вломились типы из ДХС и отволокли тебя в лагерь ФЕМА как подозреваемого в терроризме.

А здесь, в прошлом, висят рождественские гирлянды. Я повернулась к Финну и увидела, что он смотрит вокруг такими же круглыми глазами.

– Неужели тут всегда было так красиво, а мы этого не замечали? – сказала я.

Финн взял меня за руку, но не ответил, и мы так и смотрели с благоговейным трепетом на наш прежний мир, пока Коннор не въехал на стоянку у «Бургер-Кинга», где нас уже ждал автобус.

Коннор купил у водителя билеты для нас и отдал мне все, что оставалось у него в кошельке. Я и хотела бы возразить – но знала, что нам понадобятся эти деньги. Пока водитель загружал остаток багажа, Коннор пожал Финну руку и неуклюже обнял меня.

– Когда я была маленькой, – сказала я ему на ухо, – у меня был воображаемый друг по имени Майлз. Фиолетовый кен-

гуру.

Коннор хмыкнул и отпустил меня.

– Окей.

– Этого не знает никто, – сказала я. – Вообще никто.

– А, так вот как!..

– Так я узнаю, что могу доверять тебе, – сказала я.

– Понял.

Финн коснулся моего локтя.

– Автобус сейчас отходит.

– Ну, до встречи, – пошутил Коннор. Я моргнула и увидела, как он падает на пол, прошитый пулями, и лицо у него в крови. Снова моргнула – и вот он стоит перед нами, улыбающийся, молодой и невредимый.

– Ты – самый лучший, Майк, – сказала я, и пока Коннор шел прочь, я добавила его в список людей, с которыми надеюсь никогда больше не встретиться.

Шесть

МАРИНА

Пока нас везли в сторону «Мандарин Ориентал», Джеймс сидел на заднем сиденье и ел апельсин. Каким-то образом он не заметил, что в уголке его рта все еще оставалась налипшая сахарная пудра от блинчиков Лус. Будь я Софией или Тамсин, то наклонилась бы и вытерла ее, соблазнительно задержав пальцы в уголке его губ. Это бы заставило его сходить с ума от желания, и он бы обнял меня и поцеловал. Я попыталась заставить себя двинуться. Потянулась к нему, но утратила смелость, когда моя рука уже была в воздухе, и вместо этого прикоснулась к своим волосам, укладывая несуществующую прядь на место. Я не могу это сделать. Вместо этого я застыла на своем месте и ни сказала ни слова про сахарную пудру. По крайней мере я могу оценить, как мило это смотрится.

Финн в плохо сидящем смокинге ждал нас возле отеля. Когда мы выходили из машины, он изобразил старательный поклон.

– Мой лорд Шоу! И леди Марина из дома Снобов!

Взял мою руку и действительно поцеловал её; я выхватила

ее, пока никто не увидел. Почему он всегда пытается заставить меня глупо выглядеть?

– Ты что, искупался в этом одеколоне? – спросила я. Его окружало такое плотное облако, что можно было задохнуться. – Знаешь ли, есть такая штука – мыло...

– Это Eau de Homme, – сказал Финн, поправляя бабочку. – Ты не сможешь ему противостоять, знаешь ли.

Я поперхнулась.

– Да, кстати, бро, – добавил Финн, мотнув головой в сторону Джеймса, – у тебя еда на лице.

Джеймс стер сахарную пудру и насмешливо глянул на меня, а я спрятала улыбку.

Мы вошли внутрь и в потоке прекрасно одетых людей направились в банкетный зал отеля. Сегодня ночью выступал вице-президент, поэтому были приняты повышенные меры безопасности. Агенты секретной службы были через равные расстояния расставлены по всему отелю, и наши приглашения и документы тщательно проверили еще до того, как мы прошли через металлоискатели. Когда нас пропустили, то служитель провел нас к нашим местам, трем стульям за большим круглым столом в задней части банкетного зала. Две другие пары уже сидели, и я увидела, что они заметно помрачнели увидев, что за их стол садятся трое тинейджеров.

Выражение лица одной из женщин изменилось, когда она опознала Джеймса. Она подняла бокал с вином рукой, увешанной драгоценностями, – нувориши, как сказала бы ма-

ма, – и, спрятавшись за ним, что-то зашептала своему мужу. Мужчина повернул голову и уставился на Джеймса, который был слишком занят выключением телефона и ничего не заметил. Я уже была близка к тому, чтобы спросить их – не учили ли их родители, что глазеть невежливо? Это бы слегка подпортило ужин, но оно того стоило. Но тут сидящий рядом со мной Финн громко кашлянул. Все машинально посмотрели на него, а он смотрел на женщину и её мужа с такой злостью, которую я никогда не видела на его глуповатом лице. Пара немедленно отвернулась.

Джеймс поднял голову от телефона.

– Все нормально? Я думаю, что они принесут воду.

– Не, все отлично, – сказал Финн, подмигивая мне, и я отвернулась.

Ужин подали официанты во фраках и белых перчатках, и начались речи. Я точно могла сказать, что Джеймс внимает каждому слову, но спустя двадцать минут все, что говорил сенатор Гэинс, стало звучать для меня, как разговоры взрослых из мультика про Чарли Брауна: бла-бла-бла. В промежутках между взглядами украдкой на Джеймса – на Джеймса в смокинге! – я ковырялась в лососе на тарелке и порезала все овощи на аккуратные миленькие квадратики. А потом превратила их в пейзаж: зеленая долина брокколи у подножия Лососевой горы, вздымающейся к пушистым облакам риса басмати.

Я поймала взгляд Финна; на его лице читалась издевка.

«Сколько тебе лет, – словно говорил он, – четыре?» Я уни-чтожила ландшафт и положила голову Джеймсу на плечо.

– Скучаешь? – спросил он.

– Чуть-чуть, – прошептала я.

– Что ж, по крайней мере, ты прекрасно выглядишь.

Я полностью забыла о Финне. Я забыла как дышать. Внезапно идея освободить Джеймса от одежды перестала казаться настолько нелепой.

– Эй, – тихо сказала я, слыша себя со стороны, словно я покинула тело. – Заглянешь ко мне после того, как все закончится? Родители утром уехали в Вэйл.

Джеймс смотрел на оратора на кафедре.

– Ага, конечно.

Джеймс частенько оставался у меня, когда мои родители уезжали, а это бывало практически постоянно, и значит, он не понимает, о чем я. Но я просто не могу сказать об этом, особенно тут, когда Финн Эбботт в двух футах от нас. Поэтому я несмело положила руку ему на ногу.

Еще чуть ближе к колену – и это уже будет просто дружеский жест. Если я просто похлопаю его по ноге, это будет выглядеть по-приятельски. Но сейчас моя рука лежит самую чуточку высоковатого. Я попыталась представить себя Софией и легонько сжала его ногу. Может, со стороны это и могло показаться ловким ходом, но у меня так всё сжалось в груди, что я имела все основания опасаться, не случится ли со мной сердечный приступ.

Джеймс глянул на меня, и я увидела, как в его голове начали крутиться шестеренки.

– О, а вот и Нат, – сказал Финн.

Я отдернула руку, а Джеймс развернулся к сцене. Пока я умирала сорока шестью различными способами, успела добавить произошедшее в список «Почему я ненавижу Финна Эбботта», и под прикрытием скатерти сжала трясущие руки в кулаки.

Нат выступал с речью предпоследним, как раз перед вице-президентом. Мэр Маккриди, старый друг моей мамы, посещающий все вечеринки в нашем доме, представил его. Восходящая звезда демократической партии, недавно избранный партийный организатор фракции меньшинства и поднимающийся все выше и выше в должности член Комитета партии по разведке.

Вдобавок он Шоу.

– Как думаешь – Нат будет рано или поздно участвовать в президентской гонке? – спросила я, пока гремели аплодисменты, стараясь, чтобы мой голос звучал естественно. Тамсин или София не молчали бы и не трепетали, а значит, и я не буду. Я буду держаться непринужденно.

Джеймс пожал плечами.

– Он мне никогда об этом ничего не говорил.

– Будет, – сказал Финн. – Не на следующих выборах, но через одни – возможно. После того, как побудет сенатором или губернатором.

– Почему ты в этом так уверен? – спросила я.

– У него все для этого есть. Происхождение, ресурсы, прекрасная прическа, прям для президента. Он будет идиотом, если не станет баллотироваться.

Джеймс рассмеялся, не услышав в словах Финна того издевательского подтекста, что услышала я.

– Думаю, из него получился бы отличный президент. Он умный, отзывчивый и сильный. К тому же, знаешь ли, – я бросила на Финна уничижительный взгляд, – у него такие хорошие волосы!

– М, не стоит недооценивать важность хорошей прически. Она действительно...

Я перебила его.

– Я не шучу, Финн. Не мог бы ты...

– Много говорит о человеке.

– Перестать быть идиотом хотя бы на десять секунд?

– Ребята, тише! – сказал Джеймс. – Нат начинает.

ЭМ

Я сидела на промерзшем асфальте, прислонившись к присыпанному соляной пылью «Цивику», а рядом сидел Финн. Он потирал руки, чтобы согреть их, а я смотрела на пистолет у меня на ладони.

Он был тяжелее, чем те пистолеты, что я помнила. Прошло достаточно времени с тех пор, но я вряд ли могла бы

забыть такое, и почему-то только об этом и думала.

– Ты уверена, что готова сделать это? – спросил Финн. – Потому что я могу сам.

Я покачала головой.

– Я стреляю лучше тебя, а у нас может быть только один шанс.

– И не особо ты лучше меня стреляешь.

– Ой, Эбботт, не начинай. Хреновый ты стрелок, и сам это знаешь.

– Может, и так, но я не рос с...

Я не дала ему закончить предложение. Я просто не могу это слышать.

– Я сама, – сказала я. Слова получились жестче, чем я хотела, словно воздух вокруг замерз, когда я их произнесла, и Финн больше со мной не спорил.

МАРИНА

Нат поднялся на подиум под гром аплодисментов всего зала, кивая направо и налево и улыбаясь той самой улыбкой, что они с Джеймсом унаследовали от своего отца. Сидящий рядом Финн сунул в рот два пальца и свистнул, да так, что я подпрыгнула и расплескала минеральную воду – я как раз держала ее в руке. Наши соседи развернулись и сердито уставились на нас. Я толкнула Финна, но они с Джеймсом лишь рассмеялись. Джеймс протянул мне салфетку вытереться.

Нат поправил микрофон.

– Спасибо. Вначале я хочу поблагодарить Национальный комитет за то, что они пригласили меня и вас всех. Ваша поддержка помогла нам вернуться в Белый дом, и надеюсь, что с вашей дальнейшей помощью скоро мы вернем себе и конгресс. Потому я искреннее надеюсь, что вы наслаждаетесь лососем по восемьсот долларов за кусок.

Среди присутствующих послышался приглушенный смех. Финн с ужасом посмотрел на свою пустую и мою едва початую тарелки.

– Наша политическая система подорвана, – сказал Нат. – Деньги и личные интересы значат в Вашингтоне больше, чем голоса граждан. Но прелесть демократии в том, что она развивается, и до тех пор, пока мы будем стоять на защите общих интересов, помня о мужестве и верности своим принципам, все можно исправить.

Может, я и не понимаю политиков, но понимаю Ната. Большинство людей в этом зале интересуется лишь властью, но когда Нат говорит о защите общих интересов, он действительно имеет это в виду. Большинство просто говорит об этом, а ему на самом деле не все равно. Я взглянула на Джеймса и улыбнулась, увидев, с каким пылом и обожанием он смотрит на брата.

– Пришло время восстановить наше государственное устройство и обязательства нашей демократии. Если же нет...

Что-то взорвалось. Все сотряслось, и этот звук был такой громкий, что казалось – я не столько услышала его, сколько ощутила удар. Я обнаружила, что сижу сторбившись и зажав руками уши, хотя совершенно не помню, чтобы я шевелилась. Люди вокруг кричали и суетились, одни бежали, другие попадали на пол и растянулись на красно-золотом отельном ковре.

На сцене Нат упал за кафедру. Застыв, я смотрела на него и не слышала окружающего шума. Нат, прижавшись щекой к полу, смотрел на толпу, и я клянусь – на секунду он посмотрел прямо на меня.

Что происходит? Почему никто не помогает ему встать?

А потом я увидела кровь. Она расцветала на его груди, словно кричаще красные рододендроны во дворе миссис Мерфи, раскрывающиеся при появлении солнца.

С трудом мир вновь обрел скорость и звуки. Горло болело, и я поняла, что кричу.

В Ната стреляли!

Джеймс бросился к сцене, прорываясь сквозь толпу, чтобы добраться к упавшему брату. Финн и с ним еще человек шесть развернулись и кинулись в противоположную сторону, к выходу из зала. Я побежала за Джеймсом.

Агенты секретной службы поспешно уводили вице-президента из зала. Они выстроились цепью перед сценой и оттесняли назад людей, которых толпа спасающихся толкала в их сторону. У них за спинами вокруг Ната собрались те,

кто уже был на сцене, в том числе мэр Маккриди и сенатор Гейнс – стоя на коленях около Ната, сенатор зажимал ему грудь. Джеймс со всего разбега влетел в строй агентов, как будто даже не видел их. Его поймали за руку и воротник и отправили обратно.

– Это мой брат! – страшным голосом закричал Джеймс. – Это мой брат!

Ко мне вернулся дар речи.

– Это Джеймс Шоу, пропустите его!

Слава богу, мэр обернулся и сказал: «Джентльмены, все в порядке». Иначе, я думаю, Джеймс бы просто порвал их на куски. Объятый ужасом, он сгорал изнутри, и никакая сила в мире не могла бы его остановить. Он прыгнул на сцену, врезался в следующую полосу людей, отделяющих его от брата, и пробил себе дорогу сквозь них. А мне оставалось лишь беспомощно смотреть из-за строя агентов, как он падает на колени рядом с Натом и вцепляется в его руку.

Взгляд Ната пугающе метался, как будто он не мог его сфокусировать, я отвернулась, и меня вырвало на роскошный ковер.

Семь

МАРИНА

Время шло. Не знаю, сколько успело пройти. Агенты спецслужбы выгнали нас из актового зала, он же – место преступления, и в конечном итоге я устроилась на полу в вестибюле, в нескольких футах от входной двери. Она то и дело открывалась и закрывалась, окатывая меня холодным воздухом. Мне было безразлично, сколько многовековой грязи я соберу на свое красивое платье. Я где-то потеряла одну из туфель Софии, по руке быстро разливался темнотой синяк – я не помнила, где ударилась. Все вокруг сбились в небольшие группки. Кто-то плакал, кто-то отвечал на вопросы агентов, рассредоточившихся по залу и собиравших показания, но я практически не слышала их. Я понимала, что надо отыскать Финна, или позвонить Лус, или вызвать такси, но все, на что меня хватало, – сидеть, смотреть перед собой и вспоминать тот день, когда Джеймс похоронил родителей.

В день похорон Джеймс казался мраморным изваянием. Двенадцатилетний мальчик в новом черном костюме и великоватых для него туфлях, с окаменевшим лицом. Я стояла у церкви между моими родителями, двумя высокими чер-

ными колоннами, такими же незыблемыми, как стены моей комнаты, и пыталась разглядеть лицо Джеймса – он стоял в первом ряду рядом с Натом.

Он был безмолвен и неподвижен, и я все ждала, когда же он заплачет. Я бы плакала.

Родители велели мне оставить пока Джеймса в покое, но как только мы очутились в гостиной Шоу, я оставила их у фуршетного стола, где стояли тарелки с закусками из краба, и удрала. Я пробиралась через толпу, как малек через косяк рыбы, болтаясь на уровне пояса взрослых и выискивая темные волосы и бледное лицо Джеймса. Я дважды обошла первый этаж, но его нигде не было. Нат – он тогда служил у судьи Макмиллана и имел жилье на Капитолийском холме, но большую часть выходных проводил дома – пожимал руки и принимал соблезнования. Заметив меня, он кивнул в сторону лестницы и изобразил, будто читает книгу.

В библиотеке наверху я нашла пиджак Джеймса, валяющийся на спинке дивана, и его заброшенные в угол лаковые туфли, но самого Джеймса было не видно. Я позвала его, ответом мне было молчание. Я прошла вглубь и в конце концов нашла его: он свернулся в большом кресле с подголовником, стоявшем спинкой ко входу, так, что его можно было заметить, лишь подойдя вплотную. Я уселась рядом на пол, скрестив ноги, хоть и знала, что мама разозлится, что я помяла мое лучшее темно-синее платье.

– Ты в порядке? – спросила я. Я знала, что он не в порядке,

но не знала, что еще можно сказать.

– Почему твои родители называли тебя Мариной? – спросил Джеймс ровным, совершенно нормальным тоном, как будто сегодня был обычный день.

Его неестественное спокойствие заставляло меня нервничать.

– Бабушка так захотела. Это в честь героини одной пьесы.

– Шекспир, да? «Перикл, царь Тирский», – сказал Джеймс. – Марина родилась на корабле во время бури.

– Ага.

– Мама с папой называли Ната в честь моего дедушки – он был губернатором Коннектикута. Они никогда не думали, что у них появлюсь еще я. Мама говорила, что они несколько месяцев спорили, как меня назвать. Она хотела Джеймса, а папа – Майкла.

– И как получилось, что победила мама?

Он наконец встретился со мной взглядом. Смотреть ему в глаза было все равно что падать, падать, падать и никогда не долететь до дна.

– Я не спрашивал.

Сердце мое разбилось, потому что, думаю, уже тогда, в десять лет, я была немного влюблена в него.

– Джеймс...

Не успела я договорить, как он вскочил, а потом лампа со стола полетела в стену и разбилась вдребезги.

– Этого не должно было случиться! – выкрикнул Джеймс.

Рука у него была в крови – он ударился об лампу тыльной стороной кулака. – Как такое могло случиться?! Почему нет никакого способа изменить это?! Одна дурацкая секунда и мокрая дорога – и все разрушено навсегда?

За лампой последовал стол – Джеймс подхватил его за бок и швырнул. Стол с грохотом рухнул на пол. Я поспешно отскочила подальше.

– Мне ужасно жаль, – со слезами сказала я.

Но Джеймс не слышал меня. Это было жутко. Он громил библиотеку и выл, как раненое животное. Я понимала, что мне следовало бы остановить его, но я не могла. Мой самый лучший друг внезапно сделался совершенно чужим, и это меня пугало. Я убежала из библиотеки и вернулась к родителям, а когда крики Джеймса стали слышны внизу, Нат извинился, и слуги вежливо спровадили нас.

Я снова увидела Джеймса только через три недели, и мы никогда не говорили про этот день. Я пыталась вообще выкинуть его из памяти.

Но теперь я не могла думать ни о чем другом.

– Марина!

Я ощутила прикосновение к плечу и смутно осознала, что кто-то присел на корточки рядом со мной. Я повернулась и попыталась сфокусировать затуманенный взгляд.

– Финн?

– Вставай, пожалуйста. – Он помог мне подняться. Я не сопротивлялась. – Господи, ты же окоченела! Где Джеймс?

– Ну... Пришли парамедики, и...

Внезапно мне на плечи лег теплый пиджак Финна.

– Джеймс уехал на скорой в больницу вместе с Натом?

Имя Ната неопровержимо свидетельствовало, что этот мир реален. Я наконец-то действительно увидела Финна и ударила его в грудь.

– Где тебя носило?! – выкрикнула я. Финн отшатнулся и врезался в декоративный столик с пышной цветочной композицией на нем.

– Марина...

Я снова ударила его, но на этот раз он был наготове и перехватил мою руку.

– Ты бросил нас! Мы были нужны Джеймсу!

– Я побежал за стрелявшим! – крикнул Финн, заглушая мой истерический припадок. Он с силой сжал мои руки, и это заставило меня опомниться. – Стреляли откуда-то сзади, и я подумал – ну да, глупо, но я подумал – вдруг я смогу его поймать? Не знаю, чем я думал.

Я разрыдалась, и Финн нерешительно обнял меня. Он поддерживал меня, а я продолжала отталкивать его, я просунула руки между нами и снова ударила его. Я не могла остановиться, а он просто позволял мне это все.

– Я тебя ненавижу! – сказала я.

– Знаю, – сказал Финн. Он держал меня до тех пор, пока ко мне не вернулась способность нормально дышать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.